

ЗОЛОТЫЕ ЗЕМЛИ

Сокол и Ворон

Совиная башня

Птицы Великого леса

Ульяна Черкасова

ПТИЦЫ
ВЕЛИКОГО
ЛЕСА

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-48

Иллюстрация на переплете *Лидии Магоновой*
Иллюстрации на форзаце и нахзаце *Анастасии Осемеж*
Разработка серийного оформления *Юлии Девятовой*

Черкасова, Ульяна.
Ч-48 Золотые земли. Птицы Великого леса / Ульяна Черкасова. — Москва : Эксмо, 2022. — 672 с.

ISBN 978-5-04-164579-3

Зиме нет конца.

Она замечает долгую дорогу от Совина до Златоборска, по которой идёт чародей Милош.

Она морозит город Лисецк, где нашла новое пристанище лесная ведьма Дара.

Она сбивает с пути Ежи, который отправился в путь под руку с самой смертью.

Даже в степях, где потерялся совсем один княжич Вячко, идёт снег.

Пройдёт время, прежде чем судьба снова сведёт их вместе. А пока что зиме нет конца.

Она корнями проросла в Золотые земли.

И только огонь чародеев сможет растопить смерть и зиму.

Богиня-пряха не готова проиграть людям. Она начинает обрывать нити их жизней. Одну за другой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164579-3

© Черкасова У., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Золотая краска есть
печать иного царства

*«Исторические корни
Волшебной сказки»
Владимир Протп*

ПРОЛОГ

*Великий лес
518 год от Золотого рассвета*

Великий лес ожидал. Его время истекало.

Время опадало вместе с листвой с деревьев, утекало с водой в ручьях, струилось, бежало между камней и корней древних елей, уходило вслед за солнцем.

Времени оставалось слишком мало.

Человек коснулся домовины окровавленной ладонью, вскинул голову к верхушкам деревьев, и лес медленно, устало скрипя, проложил тропу. Ступал человек неторопливо, он был стар и слаб, он тоже умирал. Мох проседал под его ногами, колючие лапы елей задевали макушку, и он лениво отводил их в стороны.

Он шёл долго, упорно. Мимо проехал чёрный всадник на чёрном коне. Человек даже не повернул головы.

Стемнело, а тропа всё не кончалась. Дыхание человека стало хриплым, шаг тяжёлым, но он не останавливался. Так же на ходу он достал нож, снова порезал ладонь и оставил кровавый отпечаток на ближайшем стволе, на другом, на третьем.

Лес посчитал, что этого достаточно.

Мимо проехал белый всадник на белом коне.

Резко, точно по щелчку пальцев, рассвело, и бледные лучи солнца пробились сквозь ветви деревьев.

Тропа привела к озеру. На берегу стояла старая, покрытая мхом каменная домовина. Человек прошёл по берегу ручья, остановился у домовины, погладил ладонью по её крыше. На воде встревоженно закрикали утки и отплыли подальше.

Осторожно человек опустился на колени, заглянул внутрь домовины, но она оказалась пуста.

— Зачем? — прошипел змеиный голос за спиной. — Зачем ты приш-шёл?

Человек чуть повёл головой в сторону, но не обернулся. Уголок его губ приподнялся в улыбке.

— Зачем ты привёл меня к источнику?

— Чтобы ты увидел...

Лёгкий жаркий ветер пробежал по поверхности озера, бередя воду, дыхнул влагой в лицо человеку.

— Увидел что?

— Ш-што будет потеряно...

— Я и без этого знаю, потому и пришёл, — он хотел повернуться, но вовремя остановил себя.

Лес дышал ему прямо в затылок, и ноздрей коснулся запах прелой листвы и свежей смолы.

— Знаеш-шь... но не видиш-шь...

— И что же я должен...

Человек не успел договорить. На голову ему накинули шкуру, схватили за плечи, потянули назад, спиной впечатали в землю, и та разверзлась под ним, поглотив целиком, сразу.

И трава мгновенно выросла на том месте. Плоть человека обратилась в прах и напитала собой землю. Красные копыта красного коня потоптались по той земле, выравнивая могильный холм, и подземные воды омыли человека, и кровь его пролилась в те воды и, смешавшись с ними, потекла по лесным ручьям и дальше в извилистые реки. Она убегала, а источник иссыхал, и чёрная пустая тварь подползала ближе к лесу, и там, где лапы её касались земли, расцветали ледяные цветы измороси.

Он наблюдал из речных вод, он слушал вместе с деревьями, которые напитал своей кровью, он следил золо-

тыми горящими глазами каждой бесплотной тени, что бродила вокруг, как зима подбиралась всё ближе, как она касалась листьев деревьев, и те облетали на промёрзлую землю.

— *Если источник иссякнет, ничто уже не остановит...*

— *Если источник иссякнет, ничто уже не питает...*

— *Если источник иссякнет...*

Бесплотные потерянные души замерли на самой границе Великого леса, устремив взгляд на мир людей. Если источник иссякнет, они отправятся искать жизнь в другом месте. Они будут забирать чужие жизни, чтобы спасти свои.

Прах, подхваченный ветром, взлетел в небо. Великий лес тянулся с севера на юг, с востока на запад, и, кажется, не было ему конца. Далеко внизу ярко пылало озеро, а на берегу горела его могила, звала назад к себе. И прах вместе с дождём обрушился на берег и снова напитал землю и стал частью её, и кости вновь окрепли, и мясоросло на тех костях, и он выкарабкался из могилы, но уже не человеком.

Медведь резко распахнул глаза. Он по-прежнему лежал на земле, всё так же шумели волны на озере, облизывая песок, беспокойно крикали утки, и ветер шуршал в камышах.

Осторожно он пошевелил медвежьей своей лапой. Его старое имя должно было быть позабыто вместе с прошлой жизнью. Больше он не слуга своего бога, тот давно умер. Отныне тело и душа его только наполовину принадлежали человеку, на другую половину он стал частью Великого леса, частью силы, что даровала жизнь земле.

— Сколько осталось времени? — тихо, не шевелясь, спросил Медведь.

И лес ответил ему, едва шелестя листвой, уже не из-за спины, не чужим женским искажённым голосом, но откуда-то с вершин сосен вздохнул протяжно:

— *Ещё есть... но оно истекает...*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЁРТВАЯ ЗЕМЛЯ

ГЛАВА 1

*Ратиславия, Лисецкое княжество
544 г. от Золотого рассвета, месяц лютый*

В завывании ветра слышался голос.

Снег бился в ставни, рвался в щели. Даре казалось, что она видела, как ветер полз от закрытой двери по дубовому полу, тянулся белыми лапами к печи, и вокруг тонкой паутиной расползлся морозный узор.

Остальные не замечали ничего, они спали безмятежно. Позади тихо сопела Веся, и только тепло её тела согревало Дару. Не будь сестры рядом, она, верно, замёрзла бы насмерть.

Огонь в крови потух, и в груди чернела пустота. Разве так должно было быть? Разве ушла Морана, потеряла над ней власть, если смерть и зима владели Дарой до сих пор?

Холодно, как же было холодно. По коже бежали мурашки. Старый Барсук рассказывал, что злые духи ночи и мрака колют кожу тысячей острых когтей, вгрызаются в плоть тысячью клыков. Верно, они выпьют всю жизнь из Дары, осушат досуха.

«Всё это лишь глупости, дурные выдумки», — сказала она себе и опустила голову на подушку.

Её бил озноб, страх глодал изнутри.

Дара вслушивалась в злую песню зимней вьюги, в каждый шорох за окном. Ей чудилось, что по крыше ползал кто-то большой, тяжёлый, он скрёб по печной трубе когтистыми медвежьими лапами. Под ставни пролезла бледная худая рука.

Когда лесная ведьма стала такой трусихой? Когда золото угасло в крови и смешалось со смолой, или раньше, в княжеских покоях Златоборска?

Сестра спала мирно, крепко. Даре хотелось прижаться к ней ближе, но было жалко разбудить.

От печи шёл жар, но Дара его не чувствовала.

Ей вспомнился Совин, где холод каменной твердыни окружал со всех сторон, где от зимы спасал один только Милош. Где он? С кем? Чьи золотые волосы привиделись в речной воде? Дара всхлипнула от обиды. Как бы ни хотелось ненавидеть сокола, а больше всего на свете она желала снова с ним встретиться.

«Хотя бы на миг».

Черно было вокруг, тихо. Только вьюга билась в двери. Стук.

Дара вырвалась из дрёмы, подскочила на печи.

Неужто дурной сон?

Веся по-прежнему спала, даже Стрела, примостившийся на лавке у стены, не вздрогнул.

Дара прищурилась, пригляделась. Рассвет занимался по ту сторону двери, ярко пылал, словно в сени заглянуло утреннее солнце. Нет, не рассвет — то огонь чародея, что теперь куда сильнее лесной ведьмы.

— Уходи, — еле слышно прошептала девушка.

В сенях раздались тихие шаги, заскрипела дверь, и чужак удалился. Кто забыл запереть избу на ночь?

Горица перевернулась на другой бок, Стрела почесал во сне щёку. Они спали слишком крепко, словно на них наслали морок.

Медведь не уходил со двора, он дожидался лесной ведьмы. Дара и объяснить не могла, как это почувствовала, откуда узнала, но поняла ясно, что волхв не уйдёт, покуда с ней не увидится.

Что случится, если Дара не выйдет?

Позади вдруг закашляла Веся. Сестра задрожала, затряслась, и грудь разорвал страшный кашель. Она так и не проснулась, с закрытыми глазами схватилась руками за шею, словно пытаясь сдержать хрипы. Рот её вдруг почернел.

Дара склонилась над сестрой, коснулась ладонью щеки.
Что это? Что льётся из её рта?

Пахло кровью.

— Хватит! Я иду! — выкрикнула Дара в отчаянии.

Никто так и не проснулся.

Но Веся вдруг снова вздохнула полной грудью, шумно, жадно и заснула крепче прежнего.

Дара спустилась с печи, оделась в полной темноте.

В распахнутую сенную дверь заносило снег, целый сугроб успело наместить. Дара вышла на улицу.

Вокруг избы кружил в хороводе ветер.

Медведь ждал прямо напротив крыльца. Он стоял на задних лапах. Огромный, страшный, дикий. Не зря его издревле звали хозяином леса, среди зверей нет никого сильнее.

— Что тебе нужно, Дедушка?! — слова унёс прочь иступлённый ветер.

Чудовищный зверь чернел огромной тенью среди седого снега. Он молчал, и точно назло выюга завизжала сильнее, и дверь позади с грохотом захлопнулась. В страхе задрезбжали ставни на окнах.

Снег колот щёки, летел в глаза. Дара прикрыла платком лицо, прищурилась, но всё равно с трудом различила волхва напротив.

— Ты можешь сколько угодно угрожать моей сестре, но я снова заполучу силу и тогда отомщу! — пригрозила Дара, кусая губы. — Отступи! Я сильнее тебя!

Он не шевелился. Медвежья голова замерла высоко, гордо. Его будто вовсе не тревожила выюга.

Ветер задувал под подол. Дара поёжилась.

— Что молчишь? — тихо спросила она в отчаянии.

Медведь будто её не слышал. Может, он вовсе не понимал человеческой речи?

Он опустил на передние лапы.

Дара в ужасе шагнула назад.

Не человек то был в звериной шкуре. Даже не волхв в чужом обличье.

Медведь хищно сверкнул золотом глаз.

Ноги Дары подкосились. Она рухнула без сил, как птица раскинула беспомощно руки, уткнулась лицом в снег, попыталась подняться, но не смогла. Тело не слушалось её, не ей оно принадлежало. Снег засыпал сверху, рос в высокий курган, последние искры золота утекали прочь, и Дара обращалась в лёд и воду, чтобы впитаться в сырую землю по весне, прорасти травой, остаться в земле и землёю стать. Она чувствовала, как прорастали через её тело травы, как её кости обвивали корни деревьев, как разрывали они грудь, как пожирали черви плоть, как чёрные косы обращались в прах, как бежало стремительно быстро время, утекало золотым ручьём прочь, и не осталось на всём белом свете ничего от дочки мельника и ведьмы.

И став землёй, она услышала, наконец, её стон, почувствовала запах гниющей плоти. Жизнь её иссякала. Огонь в сердце потухал.

Она умирала.

И когда минули сотни зим, когда лес забрал своё и позабыл о том, когда земля остыла, и погасли все золотые огни, то тени стали пусты и голодны, а Дара проснулась на печи.

Позади спокойно дышала Веся. Тихо было за окном.

Дара прислушалась к дыханию сестры, повернула голову, чтобы подсмотреть, как заплетает волосы сонная Горица. Женщина стрельнула злыми глазами, поджала недовольно губы. Промолчала. Она была теперь тиха, не говорила с Дарой, не ругала её. В том молчании и покорности слышался страх.

Лесная ведьма сожгла Совин — об этом знали даже в Лисецком княжестве, что уж говорить о тех, кто едва спасся в том пожаре?

Дару саму удивляло, как стыдно, неловко и неуютно ей становилось рядом с Горицей, как невыразимо больно было признавать, что не только разрушенный город её вина, но десятки, быть может, сотни смертей. Рдзенцы были жестоки к Даре, они разорвали бы ведьму на куски и сожгли на костре, как поступили до этого с Чернавой.

«Будь у них власть и сила, они бы уничтожили и её дочь, а после их души не терзали бы сожаления», — так повторяла себе Дара каждый день перед сном, чтобы не думать об огне и дыме. Её загнали, как дикого зверя, и зверь оскалил зубы, он бился до последней крови. Зверь оказался сильнее человека, так за что его винить? За человеческую кровь на клыках?

И всё же молчаливое осуждение гнало Дару прочь. Она осторожно слезла с печи, стараясь не разбудить сестру, оделась, стыдливо озираясь на спящего Стрелу. Странно было делить избу с чужим мужчиной, но он теперь всегда находился рядом, стерёт Весняну, словно верный пёс.

Горица покосилась на Дару, но не стала ни о чём спрашивать, промолчала и, верно, вздохнула с облегчением, когда за той закрылась дверь.

Вьюга стихла, и небо стало ослепительно-ясным. Снег мягкой периной стелился под ногами. Ночью замело тропинки и дорогу, Дара проваливалась в сугробы по колено, спускаясь к ключу.

Они прибыли в деревеньку к северу от Лисецка прошлым вечером, когда солнце уже клонилось к земле. Хозяйка избы, где разместили их с Весей, разволновалась из-за прибытия гостей, посетовала, что питьевой воды на всех не хватит, и тогда Дара с Весей вызвались сходить к ключу. Находился он недалеко, сразу за крайним домом, в овраге. Спуск был крутым, резким. За ночь ступени занесло, и теперь Дара спускалась долго и осторожно, хватаясь за плетень, едва видневшийся из сугробов.

Стало тревожно, что вьюга замела и ключ, но, к счастью, его прикрывал собой большой камень, а вода пробивала путь в высоких сугробах.

Чем ниже спускалась Дара в овраг, тем выше поднимались вокруг заснеженные сосны. Весело журчал ключ, звал к себе, торопил. Сквозь мохнатые ветви деревьев прорывался солнечный свет, играя бликами на чёрных стволах.

Дара наконец пробралась к ключу и достала нож из кармана. Этот нож всем уступал скренорскому, который

подарил Ярополк, и годился разве что для готовки, но плоть он резал так же хорошо, как и репу. Дара привыкла к боли, но всё равно закусил губу, провела лезвием по ладони. Горячая кровь задымилась на морозном воздухе.

Силы осталось совсем мало, и Дара понимала, что рана станет заживать долго, почти как у обычных людей. Но любопытство, мучительное, болезненное, оказалось сильнее. Чего стоила небольшая рана взамен на ответы?

Дара подобралась ближе к тому месту, где вода вырывалась из-под земли, опустила руку под струю, и кристальный, переливающийся на солнце поток окрасился алым. Она пришла к ключу за ответами, и один вопрос только крутился на языке, но проклятое сердце подвело, обмануло разум, и губы прошептали:

– Милош...

Имя слетело с языка, и не вернуть его было назад. Дара замерла, вглядываясь в воду, ругая себя за глупость. К чему тратить время и силы на человека, ставшего почти врагом?

Струя била в её ладонь, тысячью брызг разлеталась в стороны, но дальше, по гладким камням бежала вода, и ведьма смотрела на игривые переливы, на тёмные камни, на тающий под натиском воды снег и кромку льда, смотрела до рези в глазах, до слёз на щеках, смотрела, пока не увидела в чудных бликах знакомую зелень глаз и непослушные пшеничные пряди, голые ветви нависших берёз и убегающую вдаль дорогу.

– Куда ты идёшь?

Яркий солнечный луч выстрелил из-за ветвей, и Дара зажмурилась от боли глаза. Она отпрянула и только тогда поняла, что солнце по-прежнему светило высоко над ней, а вовсе не в водах источника.

Рука онемела от холода, и кровь почти остановилась. Дара поспешила вновь опустить её под воду. На этот раз она сосредоточилась на том, что было по-настоящему важно. Ей нужно было узнать, что задумал волхв.

– Дедушка, – проговорила она, нахмурилась и сжала плотно губы, разглядывая поток.

— Я здесь, — откликнулся голос.

Дара вздрогнула, обернулась.

Дедушка стоял на вершине оврага, над самым камнем. Лесная ведьма смотрела на волхва снизу вверх, разглядывала внимательно его медвежью шкуру, пытаясь найти ответы, не задавая вопросов.

— Ты звала, — Дедушка казался спокойным, ничего нельзя было прочесть по его лицу: ни гнева, ни сожаления.

— Нет, — выдавила Дарина. — Я говорила с водой. Встречи с тобой я хотела бы избежать.

— Боишься меня?

— Не тебя, а твоих намерений. Это тебе стоит бояться меня и моей силы.

— Силы? — усмехнулся волхв. — А то я не знаю, что у тебя её по-прежнему нет? Пожелай я, так ты бы плясала послушно под мою дудку, но я даю тебе право выбора, внученька. А бояться не меня стоит, а того, кто тебе силу подарил.

— Хорош выбор, которого и нет вовсе.

Дара спрятала замёрзшую ладонь в рукавицу, поправила платок на голове, выкрадывая простыми, незамысловатыми движениями крохи времени, чтобы подумать.

— Ты напустил на меня морок сегодня ночью?

Она вновь подняла глаза на старика. Он стоял, ссутулившись, смотрел пристально, но всё ещё равнодушно.

— Нет, этой ночью я был далеко отсюда, проверял, как там мой Дружок, не оголодал ли за зиму один. Нехорошо собаку оставлять одну, да куда с собой вести? — зачем-то поделился Дедушка с Дарой, словно с верным товарищем. — Но Хозяин велел мне возвращаться и проследить за тобой. Он хочет, чтобы я тебе помог.

— Как именно? — Дара старалась скрыть тревогу.

Значит, это не Дедушка приходил во сне. Но кто тогда Морана? В ней не могло быть того же огня. Разве что сам леший напомнил, кому Дарина обязана своей силой и кто легко заберёт её вместе с жизнью.

— Ты ослабла, но если отправишься со мной, то я отведу тебя к золотому озеру в Великом лесу.

– Ты говорил, что сила сама вернётся.

– Так и будет, но это займёт немало времени, Морана же останется править до самой весны, она не даст тебе окрепнуть.

– Не пропаду, – высокомерно бросила Дара. – Сам Снежный князь меня теперь бережёт, уж он в обиду не даст.

Дедушка улыбнулся и покачал головой.

– Ему нужна лесная ведьма, а не девчонка с мельницы.

Неужели волхв считал, что Дара пойдёт с ним в Великий лес?

В стороне зашумели потревоженные птицы, взлетели в небо, и закачались ветви елей, а с них водопадом осыпался пушистый снег.

– Да-ара! – позвал звонкий голос.

Она оглянулась, взволнованная. Как бы не наткнулась сестра на волхва. Как увести её от беды?

Но не успела Дара и подумать, как поступить, а Дедушка уже исчез. Он скрылся на лесных тропах, спрятался за заснеженными деревьями и ничем себя не выдал, когда на краю оврага показалась Веся.

– Так и знала, что ты здесь.

Дара щурилась, глядя наверх, солнце било прямо в глаза, и сестра будто купалась в ярком свете, искрилась золотым теплом. Но вот она сделала шаг в сторону, ступила на тропинку, что вела к ключу, и вновь стала обычным человеком.

– Как ты догадалась?

– Тебя всегда тянуло к воде. То к реке, то к запруде, – сказала Веся, легко пробираясь по протоптанной Дарой дорожке. Сестра была румяна, из-под платка выбивались медовые пряди волос, глаза улыбались. Она подошла ближе, посмотрела внимательно, с пониманием на бегущую воду. – Что тебя тревожит?

– Всё, – призналась Дара. – Леший и князь, Милош и Дедушка. Моя слабость и мои грехи, – проговорила она на удивление легко.

– Грехи?

Дара прикусила губу, задержала дыхание и неожиданно для самой себя проговорила:

— Я людей убила, Веся.

Она зашептала, будто опасаясь, что их подслушают:

— Ты понимаешь, сколь многих я убила?

Сестра облизала губы, по лицу её пробежала тень.

— Ты виновата, но они же сами на тебя напали. Я помню, как нас окружили, когда мы убегали и потеряли тебя в толпе. Думаю, у тебя не осталось выбора.

Добрая, милая Веся. Она пыталась оправдать даже самые чудовищные поступки.

Дара хотела бы промолчать, но, начав говорить, уже не смогла остановиться. Слова срывались с губ одно за другим.

— Дело не только в пожаре, — она боялась смотреть в глаза сестре и потому отвернулась к ключу. — Раньше. Я убила Охотника в Гняздеце. Помнишь тот день? Я убила его ножом, пролила кровь собственными руками. А после стражника в Совине. Вороны велели мне принести его в жертву, чтобы сломать защиту города. Я убила его, когда он лежал без сознания, совсем беззащитный.

Веся молчала, но Дара кожей чувствовала её взгляд и невольно сжималась под ним.

— А ещё раньше... в первый раз я убила в Златоборске. Случайно, клянусь, случайно. Её звали Добрава, она была полюбовницей княжича Вячеслава.

— Я думала, он ошибся, — проговорила Веся. — Думала, княжич неверно всё понял.

— Всё он правильно понял, — Дара заговорила хрипло, тихо, и каждое слово давалось через силу. — Я не хотела её убивать, видят боги, не хотела, но убила. А потом бежала, чтобы самой спастись.

Сестра молчала. Не замер мир вокруг, всё так же журчал ключ, разрушая снежные оковы, всё так же шумел зимний лес, только сестра не произносила ни слова, и от этого было страшно.

— Брат Лаврентий, верно, сказал бы, что я попаду за это в промёрзлую пустошь после смерти.

— Не знаю, — произнесла наконец Весняна. — Неважно, что бы он сказал.

Дара подняла на сестру виноватый взгляд. В глазах у Веси стояли слёзы.

— И ты обо всём этом молчала? Почему ничего мне не рассказала?

— Чтобы ты не возненавидела меня ещё больше.

— Возненавидела? Как я могу ненавидеть тебя? — жалобно спросила сестра.

И она прижала Дару к себе, обняла, уткнулась носом в ухо, спрятанное под платком.

— Как ты могла так подумать? — вздохнула она тяжело, надрывно. — Да, я злюсь на тебя порой, всякое бывает, но я же люблю тебя, всем сердцем люблю. Я что угодно могу тебе простить. Дарка, это всё ведь тебя съедало, убивало. Зачем ты так? Как вообще выдержала одна?

— Весь, ты не слышала, что я сказала? Я убийца. Я Моране служила, ей жертвы приносила. Десятки жертв, сотни. И до того, как она меня заставила, я тоже творила страшные, чудовищные вещи. Я и сама чудовище.

Веся чуть отстранилась, чтобы заглянуть ей в лицо. Слёзы горели на румянном от мороза лице. Такие же горькие слёзы лились из глаз Дары.

— Дара, мы в этой беде вдвоём, никак иначе. Вдвоём и справимся. Нельзя одной всё на себе тащить. Для этого родные люди и нужны, понимаешь? Чтобы помогать.

— А что изменилось от того, что ты теперь всё знаешь? Веся, разве ты можешь что-то исправить? Разве ты можешь меня защитить? Я не говорила тебе ничего, чтобы уберечь.

— Значит, отныне мы будем беречь друг друга, — упрямо сказала Веся. — Не знаю, что я могу сделать. Вряд ли многое, но вместе всё равно легче. Мы что-нибудь придумаем, вот увидишь. Теперь-то, когда между нами больше нет тайн, всё наладится.

Простодушная, милая её сестрёнка.

Дара улыбалась, жалея уже, что раскрылась, но на душе и вправду стало легче.

— Я совсем забыла, — утёрла щёки Весняна. — Великий князь велел тебя найти. Мальчишка от него прибежал, искал тебя.

— Зачем?

— Уж со мной-то князь не делится, что и почему он делает. Велел прийти, вот и всё, что знаю, — она улыбнулась сквозь слёзы. — Пошли, приведём тебя в порядок, нельзя в таком виде Великому князю на глаза показываться.

Дара тоже постаралась улыбнуться в ответ, сняла рукавицу с целой руки и опустила под струю ледяной воды, умылась.

— Кожу изуродуешь! — возмутилась Веся. — На морозе да ледяной водой! Жиром бы помазать теперь.

— Пошли, — усмехнулась Дара, вытираясь уголком платка. — Нельзя заставлять князя ждать.

Будь на то воля Весняны, так Дару перед встречей с Ярополком нарядили бы, как невесту. Но сама Дарина лишь переплела косы, умыла лицо да вычистила тщательно зубы углём.

— Вот, возьми, — Веся надела Даре на руку обручье. — Ростислав подарил, — покраснела она. — Ты поноси, потом вернёшь.

— Веся, — чуть строго сказала Дара, возвращая подарок. — Не нужны мне ни обручья, ни другие украшения. Я к князю по делу иду, а не глазки строить.

Горица крутилась всё время неподалёку, рядом с хозяйкой дома, и, видимо, подслушивала. Она вдруг оглянулась, взгляд её не выражал ничего хорошего. Дара поднялась и поспешила закончить сборы.

— И без того уже много времени потеряла, — буркнула она, всё ещё чувствуя на зубах угольную крошку. — Пойду поскорее.

Каждый день они останавливались на ночёвку в разных деревнях, каждый день продолжали свой путь. Все избы и деревни перемешались в памяти, и Дара не могла отличить одну от другой. Но вот, спросив дорогу, она нашла, где ночевал минувшей ночью Великий князь. Дара одёрнула платок и постучалась. Но ни на первый раз, ни

на второй никто ей так и не открыл, и Дара сама заглянула в сени.

— Хозяева, — позвала она негромко. — Есть кто?

Из-за тяжёлой деревянной двери доносились голоса. Дара прислушалась. Говорили мужчины, обсуждали что-то, и, кажется, голос Ярополка тоже можно было различить.

Дара не решилась заходить, осталась ждать в сенях. Через какое-то время из-за двери выглянул мальчишка лет четырнадцати с ведром в руках. Он вылил помой на улицу и, только когда вернулся, обратил внимание на Дару.

— А, ты, — узнал откуда-то он. — Князь тебя позже примет. Жди.

И Дара, замерзая в сенях, ждала ещё лучину.

Когда дверь наконец распахнулась и стали выходить воеводы и бояре, Дара встрепелась, готовясь к встрече с Ярополком.

Мужчины бросали на неё мимолётные взгляды, никто не признал в ней лесную ведьму, один только человек оглядел с неприязнью и сморщил длинный нос.

Дара задержала дыхание, словно её обдало тяжёлым смрадом. Она узнала это узкое болезненное лицо, то был брат Мефодий, поверенный Пресветлого Отца.

Священнослужитель промолчал, даже не поздоровался, торопливо вышел из сеней, и Дара могла видеть, пока не захлопнулась дверь, как он торопливо семенит прочь от избы.

Снова показался знакомый мальчишка, поманил Дару рукой. Она зашла внутрь, радуясь теплу, остановилась на пороге, чтобы оглядеться.

— Да озарит Создатель твой путь, Великий князь, — произнесла она.

Ярополк оторвался от бумаг, разложенных перед ним на столе, и холоп тут же поспешил убрать их, но князь его остановил.

— Оставь, — буркнул он. — Нашёл платье?

Юноша развёл руками.

— Ищу, — выдавил он виновато. — Разве тут сразу найдёшь?

— Так ты постарайся, — нахмурился Ярополк. — Давай, поспеши.

Холоп согнул спину в поклоне и кинулся прочь из избы. Дара проводила его взглядом, осмотрелась снова. Никого больше не было. Она осталась с князем наедине.

— Мне сказали, ты меня звал, — Дара прошла ближе к столу, развязала на голове платок, и длинные косы упали ей на плечи.

— Ты всё как девчонка, — улыбнулся Ярополк. — С двумя косичками. Девки в твоих годах одну косу плетут и ленту в волосах носят.

— Так другие девки в невесты годятся, а я ничьей невестой не буду, — Дара сама не поняла, откуда появились вызов в её взгляде и сталь в голосе.

— Нет, значит? — Князь смеялся одними глазами.

— Нет, — хмыкнула Дара и на этот раз без приглашения села за стол напротив, с любопытством ожидая, как поведёт себя Ярополк.

Он заметил перемену в её поведении, но не сказал ничего и даже будто остался доволен.

— И кем ты будешь?

— Ведьмой.

— Просто ведьмой?

— Может, княжеской.

Ярополк вдруг расплылся в белозубой улыбке и засмеялся открыто и весело, так, что самой хотелось захохотать в голос.

— Однако, Дарина, ты забавная.

Она поджала губы. Не забавной она хотела бы выглядеть.

— На днях, помнится, ты всё уходила от ответа, заверяла меня, что силы у тебя больше нет и что мне на службу ты не годишься.

— Я передумала. Буду рада послужить тебе, князь.

Ярополк смотрел как всегда пристально, и Даре хотелось съёжиться под его взглядом.

— И сила к тебе вернулась?

— Пока нет.

— Никому об этом не говори, — предупредил князь. — Сегодня к вечеру мы прибудем в Лисецк. Ты поедешь со мной впереди. Умеешь сидеть в седле?

— Нет, — Дара в одно мгновение растеряла снова всю уверенность. — Отец учил меня ездить на лошади, только без седла.

Снежный князь смотрел на неё со странным непривычным восхищением.

— Так даже лучше, да, — решил он.

И вдруг нахмурил брови, огляделся по сторонам.

— Займи себя пока чем-нибудь. Мне нужно закончить дела.

И Ярополк будто сразу о ней позабыл, он обмакнул перо в чернила и принялся писать.

Дара поднялась из-за стола. Дом был чужой, незнакомый. Девушка не знала, куда себя деть, и подошла к красному углу, присела на лавку так, чтобы видеть блестящий золочёный сол.

Текло время мучительно долго, Ярополк читал письма и отвечал на них, а Дара сидела на лавке без дела и изнывала от скуки и любопытства. Зачем князь велел ей остаться? Мог бы приказать явиться ко времени в начало обоза.

От безделья Дара разглядывала вышивку на занавеси красного угла, скребла ногтями лавку и почти начала засыпать, когда дверь распахнулась, и в избу ввалился княжеский холоп с большим свёртком в руках.

Ярополк оторвал голову от писем.

— Нашёл? — без всяких предисловий спросил он.

— Мужская только, но с плеча боярского сына, ему всего пятнадцать. Она девка рослая, ей пойдёт.

— Девки с тобой на кухне росли. За языком следи, — осадил князь.

Дара слушала их разговор, наблюдала, как парень разворачивал свёрток, но так и не могла пока догадаться, о чём шла речь.

Между тем холоп развернул свёрток и вынул из него чёрную соболиную шубу. Густой мех лоснился, блестел

при свете свечей. Дара загляделась и невольно сравнила шубу со своей простой одежкой.

— Примеряй, — велел ей неожиданно Снежный князь.

Девушка посмотрела на него с удивлением. Ярополк улыбался высокомерно, но довольно.

— Я бы и рад найти что получше, но в походе женский наряд днём с огнём не сыскать. Давай, надевай, — чуть развязнее произнёс он.

Дарина поднялась, оставила на лавке свою облезлую шубку и подошла к холопу.

— Третьяк, помоги госпоже лесной ведьме, чего стоишь как истукан?

Холоп подскочил ближе, помог надеть шубу. Меха оказались тяжёлые, они упали на плечи, и с непривычки стало сложно пошевелиться. Дара успела позабыть, что в Златоборске носила такие же неудобные кафтаны с длинными рукавами, и теперь стояла, замерев на месте.

— Недурно, — заключил Ярополк придирчиво. — Нравится?

— Спасибо за щедрый подарок, князь, — проговорила вежливо Дара.

— Сама покорность, — хмыкнул мужчина. — Откуда только что взялось?

Она вскинула горделиво подбородок, посмотрела прямо в голубые глаза. Подо льдом плескался огонь.

— Что ж, раз ты готова, то можно и выступать, — решил Снежный князь. — Третьяк, скажи всем собираться через две лучины.

— Слушаюсь, — проговорил холоп и тут же вынырнул из избы, словно за ним гнались собаки.

Ярополк поднялся, собрал бумаги, разложил по стопкам, пару писем свернул и спрятал за пазуху, остальные убрал в кожаную суму.

— Не страшно? — спросил он.

— Чего мне бояться? — насторожилась Дара.

— Раньше в Златоборске тебя величали лесной ведьмой за глаза, а между тем тебя попытались убить. Как ду-

маешь, что будет теперь, когда я назову тебя своей придворной чародейкой и разрешу ехать подле себя?

Он оглянулся, посмотрел оценивающе, пронзительно.

– Ты догадался? – удивилась Дара. – Что меня пытались убить?

– Сомневаюсь, что ты бы стала травить Горяя. А вот поверить в то, что кто-то пожелал избавиться от лесной ведьмы, легко.

Дара тяжело вздохнула.

– Ты знаешь, кто это сделал?

– Подозреваю, доказательств у меня пока нет.

– И кого ты подозреваешь? – Она сделала шаг навстречу, словно боясь не услышать ответ.

– Брата Мефодия.

Дара хотела спросить о чём-то, но в голове всё смешалось, и она осталась стоять, открывая рот, как рыба, выброшенная на берег.

– И Пресветлого Отца, конечно. Но он бы не посмел сам марать руки, скорее всего велел Мефодию выполнить всю работу, – рассуждал Ярополк. – Храм опасается, что чародейская власть закрепится в Ратиславии. Послушно-го Горяя они могли стерпеть, но не лесную ведьму.

– И как доказать их вину?

– А нужно ли доказывать? Даже у меня нет власти над храмом, я не могу обвинить Пресветлого Отца в том, что он преследует ведьму, ведь Империя это одобряет.

Стало сложно дышать под ледяным взглядом Снежного князя, а он продолжил, усмехаясь:

– Но если я прав в своих подозрениях, то Мефодий поспешит предоставить нам новые доказательства.

– Хочешь сказать, что он снова попытается меня убить?

– Уверен, – улыбнулся Ярополк.

– Отчего ты смеёшься? Это совсем не смешно, – голос Дары дрогнул от страха и возмущения.

От ядов не могли спасти чары, от клинка не отбиться обычной девушке, а от Охотников не спрятаться даже могущественной ведьме. Существовало ли на свете хотя бы

одно-единственное место, где она могла почувствовать себя в безопасности?

— Я мог бы приставить к тебе стражника, но кто тогда поверит, что ты великая лесная ведьма, которая спалила Совин? — улыбался Ярополк. — Все должны быть уверены, что ты можешь испепелить Лисецк одним взмахом руки.

— Обязательно так и поступлю, как только получится, — процедила со злобой Дара.

А она хвасталась Дедушке, что её защищал Снежный князь.

Ярополк подошёл ближе.

— Я не могу защищать тебя открыто, чтобы не вызвать подозрений, но не думай, что я во второй раз упусти тебя, Дарина. Видят Создатель и все твои лесные боги, этого не случится.

В деревне стоял невыносимый гам. Длинная вереница из людей, лошадей и повозок растянулась от избы старосты, куда созвал всех Ярополк. Он прощался с хозяевами, благодарил деревенских за гостеприимство и обещал побороть степняков в ближайшее время.

Дара оставалась в стороне, наблюдала, как суетился народ, как спокойно держался в образовавшейся сутолоке Ярополк. Она рассматривала лица опытных дружинников и молоденьких парней, недавно призванных в ополчение, и ловила на себе их изучающие взгляды, когда заметила в толпе Стрелу.

Он подошёл к Великому князю, поклонился и показал себе за спину. Ярополк обратил внимание наконец на несколько рядов ополченцев. Одеты они были бедно, а вооружены совсем просто. Кто-то из них держал булавы и кистени, другим повезло заполучить топоры, но становилось ясно с первого взгляда, что они были не бывальыми дружинниками, а вчерашними землепашцами и пахарями.

Ярополк подошёл к новобранцам, поздоровался с ними, о чём-то спросил, чего Дара расслышать не смогла, и уже развернулся и пошёл обратно, когда взгляд Дары вдруг за-

цепился за знакомые черты. Сколько раз она видела эти светлые глаза, эту широкоплечую медвежью фигуру.

— Богдан, — одними губами беззвучно прошептала Дара.

Её охватили радость и замешательство. Хотелось к нему навстречу, обнять, расспросить о родном Заречье, о Барсуке и Ждане, о самом Богдане, но она наткнулась на недоверчивый, злой взгляд. Юноша тоже заметил её, нахмурился, отвернулся, словно вовсе не желал видеть Дару.

Она не успела прийти в себя и совладать с замешательством, когда к ней подошёл Ярополк.

— Третьяк, помоги госпоже лесной ведьме забраться на коня, — велел он холопу. — Выступаем.

ГЛАВА 2

Внешний вид золотой,
сердце — камень.

Монгольская поговорка

Стены Месяц лютый

Вячко очнулся на дне глубокого поруба, когда высоко ещё стояло холодное спящее солнце. Оно скрылось пугающе быстро, и Вячко поначалу был этому рад. Глаза слезились, он почти ничего не видел, и темнота принесла облегчение. Но с наступлением ночи холод пробрал его до костей.

Гладкие глиняные стены поруба уходили высоко вверх, человеку было бы не по силам выбраться самому. Вячко даже не пытался.

Голова у него кружилась, и всё тело болело от побоев.

Вокруг было тихо. Ни дикие звери, ни люди не проходили мимо. За весь день у края поруба не показалось ни одной живой души.

Его оставили в рубаше и лёгких портах, без сапог, но в самом начале ошеломлённый от спящего света и боли Вячко даже не почувствовал холода.

Рядом с соломенным тюфяком лежали мешок с едой и бурдюк с водой. Вячко не боялся яда, но всё равно не притронулся к пище. Он не чувствовал голода, только усталость и тошноту. Не будучи в силах подняться на ноги, он дополз до тюфяка, осушил бурдюк до последней капли и тут же провалился в беспамятство.

Он проснулся всё так же ночью, дрожа от холода. Кто бы ни бросил его в поруб, позаботившись о пропитании, о тепле он позабыл.

Вячко стучал зубами, скрутившись калачиком у стены. Он забрался под соломенный тюфяк, но лежать на холодной земле оказалось вовсе невыносимо, тогда он зубами и руками разорвал влажную смердящую ткань тюфяка и вытащил наружу мокрое гниющее сено, сел на горсть, обложил себя слипшимися пучками. Нужно было двигаться, чтобы согреться, но Вячко знал, что ему не хватило бы сил даже подняться на ноги.

Он подтянул ближе мешок и нащупал внутри лепёшку, отломил кусок и засунул в рот, пососал. Заставить себя есть он по-прежнему не мог.

Мешок стоило постелить поверх сена.

Вячко так и сделал, и когда сиденье его было готово, он снова обложил себя сеном.

Почему он не кричал? Почему не звал на помощь?

За всё время, что Вячко просидел в порубе, он ни разу не попытался докричаться до кого-нибудь, а когда решил попробовать, голос вдруг его подвёл.

Долго и тихо Вячко в отчаянии шрипел, пока не выбился из сил.

Ветер донёс до него запах дыма, но разум уже был затуманен, он не понял, что это могло означать близость костра и людей. Вячко откинул голову назад, уткнувшись затылком в стену, и вздрогнул от резкого вскрика. В степи что-то завывало, зарычало, и скоро снова затихло.

Небо было чистым, чёрным, усыпанным звёздами, точно кафтан жемчугом. Вячко никогда прежде не замечал, как ярко они светили, хотя не раз оставался ночевать под открытым небом.

Вячко смотрел на звёзды, задрал голову, и мысли становились вязкими, как кисель, текли всё медленнее и покрывались льдом, как Вышня и Звеня с наступлением зимы. Увидит ли он снова когда-нибудь их берега? Увидит ли Златоборск? Вячко всегда любил возвращаться домой, даже теперь, когда его никто там не ждал...

Могла ли Добрава оказаться среди звёзд? Души правоверных уходят на небо к Создателю, так говорили Пресветлые Братья.

Сверху мелькнула тень, но он не придал тому никакого значения.

А потом сверху слетела огромная птица. Вячко не успел увернуться, медленный и бессильный, он тихо закричал, сжал кулаки, прикрыв голову, и птица рухнула на него, погребая под собой, точно ком снега. Он вырвался, оттолкнул её ногами, пнул несколько раз пятками и вдруг понял, что перед ним лежало тяжёлое шерстяное одеяло.

Сверху раздался смех, он слился со звоном бубенцов и скоро затих.

Княжич вскинул голову, пытаясь увидеть, кто это был, но над ним чернело чистое звёздное небо.

Весёлый девичий смех зазвучал уже где-то в стороне, и Вячко подумалось, что то могли бы быть духи степи, пусть и вряд ли бы они принесли ему одеяло. Он закутался, снова прислонившись спиной к стене поруба, и постепенно стал согреваться.

— Спасибо, — шепнул он в никуда.

Добрава смеялась похоже: задиристо, звонко. Была ли она теперь среди звёзд?

Его разбудила чужая ругань. Два голоса — женский и мужской — кричали так отчаянно и горячо, что Вячко вдруг пожелал узнать их некрасивый резкий язык, чтобы понять, о чём шёл спор.

Женщина говорила громко и яростно, с ней не сравнилась бы ни одна торговка на златоборской ярмарке. Голос

срывался то на рычание, то на шипение, и казалось, что в груди у неё прятались или скрутившиеся в клубок змеи, или стая диких собак.

Некоторое время Вячко растерянно слушал чужую ругань, пока наконец не спохватился, что незнакомцы могли пройти мимо, а он так бы и остался в яме. Сквозь кашель прорвался больной крик:

— Эй! Эй, там! Помогите мне! Люди! Я здесь, здесь!

Слава Создателю, к нему вернулся голос.

Из-за края поруба выглянули две головы: на него смотрели бородастый пожилой мужчина и миловидная девушка. Вячко от удивления раскрыл рот. Злобной крикливой бабой оказалась совсем юная девушка с длинными чёрными косами. С головы её, покрытой шапкой с острым мысом, свисал шёлковый красный платок. Девушка сощурила тёмные раскосые глаза, внимательно оглядев княжича, и исчезла в проёме.

И снова её голос прозвучал грубо и дерзко.

Вниз сбросили верёвочную лестницу.

Вячко неуверенно посмотрел наверх. Мужик помахал ему рукой и сказал что-то на своём языке, явно поторапливая.

— Покопошишь, — прозвучал надменный девичий голос, но хозяйка его больше не показывалась.

Вячко в нерешительности замер, взявшись рукой за нижнюю перекладину, и с опозданием понял, что последнее слово незнакомка сказала по-ратиславски, пусть и неверно.

— Ты говоришь по-ратиславски?

— Да, хорошоё, — со смешным говором ответила девушка, оставаясь вне поля зрения. — Давай! Лэзь!

Княжич ухватился за следующую перекладину и подтянулся. Избитое, покалеченное тело заныло, и Вячко чуть не сорвался. Он засипел, скрипя зубами, и резко подпрыгнул, поставив ногу на нижнюю ступеньку. Дальше взбираться стало легче, пусть каждое движение и отдавалось пронзительной болью.

Наверху дул пронизывающий ветер. Стоило Вячко высунуть голову наружу, как в лицо ему полетел колючий

снег, растрепало длинные кудри. Бородач схватил его за шкуру, точно кутёнка, вытащил. Тут же ему на шею набросили верёвку. Он не успел толком ничего понять, как за верёвку потянули, и Вячко упал на колени.

— Тэбе нужэн лэкарь, — сказала девушка.

Длинные загнутые мысы её сапог выглядывали из-под просторного одеяния. Вячко поднял голову, разглядывая незнакомку. Она забрала второй конец верёвки из рук мужчины и теперь держала Вячко как собаку, на поводке.

— Выглядэшь похано, — презрительно прищурилась она, задрав гордо голову.

Мужик ногой подтолкнул к нему свёрток одежды и старые дырявые сапоги.

Вячко с отвращением посмотрел на обувь, но поспешил обуться. От сапог воняло так, будто в них кто-то умер.

— Погано, — тяжело дыша и облизывая пересохшие губы, выдохнул Вячко.

— Что? — девушка свела на переносице чёрные брови.

— Правильно говорить: погано.

— Я хорошо знаю твой язык, — надменно и неожиданно почти чисто произнесла девушка и мотнула головой. Раздался весёлый перезвон — на концах длинных чёрных наконечников девушки висели бубенцы, и они издавали звонкий задорный звук при каждом её движении.

Вячко хотел выразить сомнение, но зашёлся очередным приступом кашля.

Девушка сняла с плеча бурдюк и отдала княжичу. Он едва удержал его в слабых руках, зубами выдрал пробку и жадно отпил. Сухое горло раздирали кашель. Вячко громко глотал воду, задрав голову. Он принял питьё у незнакомцев, ничего не спросив, понадеявшись лишь на удачу. Разве не дурак?

Бородач стоял рядом, не говоря ни слова, и ждал. Когда Вячко наконец напил, то развернул свёрток, это оказался мужской тёплый кафтан, какой принято было носить в вольных городах: подбитый овечьей шерстью, расшитый диковинными узорами. Вонял он ещё хуже, чем сапоги. Но холод беспокоил куда сильнее, чем запах.

Вячко попытался подняться, но руки задрожали и погнулись, тогда он просто сел на зад, оглядываясь по сторонам. Сознание лихорадило, и ясность мысли вернулась не сразу.

Яма, в которой его держали, находилась в безлюдной степи. Куда ни глянь вокруг — ничего, только редкие низкие кустарники, выглядывавшие из-под снега. Чуть в стороне паслись четыре лошади, навьюченные большими мешками, а ещё дальше у потухшего костра лежали три неподвижных тела.

Вячко нахмурился. Ясно стало, откуда взялись и сапоги, и кафтан. Похоже, в них и вправду кто-то умер.

— Кто вы такие?

Девушка горделиво задрала подбородок, разглядывая княжича. Она накрутила конец верёвки себе на запястье. Ветер трепал её длинный красный платок, пытаясь сорвать с головы.

— Мы спасли твою жизнь, княжич, что ещё ты хочешь знать?

Вячко заворожённо наблюдал, как девушка крепче перехватила поводок, и в груди у него всё холодело. Раз незнакомцы убили его похитителей, то стоило бы принять их за друзей, но слабо верилось в такую удачу. Кто мог послать их? Купец Вихрор, в доме которого их схватили? Какой-то другой торговец или вельможа, что имел связи с его отцом или братом? Или, быть может, кто-то из ратиславцев, живших в Дузукалане?

— Вы их убили? — Вячко кивнул головой в сторону мёртвых.

— Турар и Санжар, — сказала девушка, точно эти имена должны были что-то значить для Вячко. — Санжара я убила уже после, чтобы не болтал. — Она поправила с особым значением длинный кривой кинжал на поясе.

— А этот, — Вячко мотнул головой в сторону бородатого, — не разболтает?

— Турар верен, как пос, — сказала она довольно. — Я могла бы отрезать ему ухо, а он бы не пискнул.

— А как звать тебя?

Она растерялась на мгновение. Порыв ветра дёрнул её красный платок, и она отвлеклась, крепя ткань обратно к шапке.

— Это тебе пока знать нэ нужно, — решила она. Смятение так явно читалось на её лице, что Вячко охватило любопытство.

— Почему?

— Мэньше болтай! — гаркнула заносчивая девица, стрельнула чёрными глазами в Турара и сказала ему что-то на одном из языков вольных городов. Вячко не смог разобрать, на каком.

Бородатый с недоверием покосился на княжича и побежал к лошадям, взял одну за поводья и повёл к ним.

— Сможишь сидеть в сэдле? — сердито дую губы, спросила девица.

Вячко сомневался, что у него получится подняться на ноги. Никогда прежде не был он настолько слаб и беспомощен.

— Не знаю, — неохотно признал он. — Куда ты меня повезешь?

— Дальши.

Девушка направилась навстречу Турару, дёрнула рукой, потянув поводок, и Вячко пришлось поспешить следом. Она подошла к одной из трёх оставшихся лошадей, легко вскочила в седло, направила её в сторону княжича. Тонконогая лошадка под ней двигалась изящно, порхала, точно маленькая птичка.

— Цвэток, — вдруг воскликнула девушка, поведя пегую лошадь вокруг Вячко. Верёвка обкрутилась о его ноги, и Вячко пришлось вертеться на месте, чтобы выпутаться.

Он выглядел жалко и смешно, а девушка захохотала в голос.

— Что?

— По-вашему, ратич, меня зовут Цвэток. — И она улыбнулась вдруг так солнечно, что показалась Вячко удивительно красивой. Бубенцы в наконсниках зазвенели громче. Красный платок взвился вслед за ней алой волной. В ней было столько силы, что Вячко невольно был рад подчиняться.

Турар остановил крепкую кобылку, хлопнул недовольно носом и схватил княжича под плечи. Тот не успел даже возмутиться, как здоровый мужик закинул его на лошадь. Вячко упал животом на седло и закричал от резкой боли. Верёвка затянулась на шее ту же. Животное взволнованно заплясало под ним, и Вячко схватился что было силы за гриву, нащупал ремень уздечки, вцепился, чувствуя, как непослушное тело завалилось на бок. Турар пробурчал что-то сердито и схватил княжича за ногу, заставив того кричать ещё сильнее.

Цветок рассмеялась звонко и зло.

— А я слышать, что ты сильный воин, — хохотала она. — Как мог у Великого князя быть такой слабый сын?

Вячко стиснул зубы, когда Турар потянул его ногу на себя, перекинул через спину лошади и засунул в стремя, потом помог так же вдеть вторую ногу. Бородач всё с таким же хмурым лицом погладил лошадь по морде, успокаивая, а после достал из седельного мешка верёвку и связал княжичу руки так, чтобы тот всё же мог держать поводья. Вячко через боль и судороги выпрямился в седле, отпустил сжатую побелевшими пальцами гриву.

— Так что, князьич, — не унималась Цветок, — твоего отца Шибан сын хана Бахадур так легко убил, потому что он тоже слабак?

Вячко захотелось её ударить.

— Что за мерзкий у тебя язык? — процедил он сквозь зубы.

Ветер сорвал его ядовитые слова и унёс прочь. Услышать их мог один только Турар, но он, кажется, совсем не понимал по-ратиславски.

— Куда вы меня повезёте?

— В город, — на удивление легко ответила Цветок. — Теперь все знают, что ты похитил. Там больше не ищут.

— Ищут, — невольно поправил Вячко.

Цветок посмотрела на него искоса, не повернув головы.

— Ищут, — повторила она куда лучше прежнего.

— Верно, — одобрил юноша и с удивлением заметил улыбку на смуглом лице.

— Моя мать из ваших земель. Белая луна её звал отец, — поделилась вдруг Цветок, чьи глаза сделались непрогляднее самой чёрной ночи. — Я давно ни с кем не говорю на языке ратичей.

— Ратиславцев, — снова поправил княжич.

— Мать говорить: ратичей, — упрямо заявила девушка.

Турар подвёл двух оставшихся лошадей, одна из них была привязана длинной верёвкой ко второй. В отличие от лошади под девушкой эти два животных были куда ниже и крепче, как и кобыла Вячко. Турар сел в седло одного из них.

Цветок кивнула, удобнее взялась за поводья и, не предупредив ни словом, ни знаком, ударила пятками по бокам лошади, заставляя ту сорваться с места, и почти сразу пустила животное вскачь.

Вячко закусил губу, чтобы не закричать от тряски в седле, и пнул свою кобылу пятками, стараясь не отставать. Если лошадь под девушкой убежит далеко вперёд, Вячко потащится за ней уже по земле и раздавится.

Алый платок развевался за спиной наездницы, манил, как огонь мотылька. Звенели бубенцы, косы били по спине.

Вперёд, вперёд! Ветер засвистел в ушах, обжёг лицо.

Вячко немного привык к скачке, выпрямил спину, сжал крепче поводья. Постепенно он свыкся с болью. Лошадь под ним стала послушнее, пошла быстрее и легче.

Цветок гнала, точно за ними была погоня. Вячко несколько раз оглядывался, терзаемый подозрениями, но со всех сторон виднелась лишь безлюдная степь. Похитители увезли его далеко от города.

Но скоро животные стали уставать, и Цветок сжалась над ними, потянула на себя поводья так, чтобы дальше её лошадь скакала рысью. Некоторое время они двигались медленно, и Вячко заметил, как Цветок стала всё чаще оглядываться на запад, где солнце уже клонилось к земле. Зимний день был пугающе короток.

— Ну что, не помрёшь? — спросила с издёвкой девушка. — Тогда вперёд. Поторопись, а то зайдёт солнце, и духи степи заберут твою душу.

Ветер и снег вновь полетели в лицо. Они кусали щёки и кололи глаза, слёзы, солёные и жгучие, потекли по лицу, но Вячко молча терпел. Тряска и холод сбивали с мысли. Воспоминания, похищенные ударом и длинной ночью, становились чуть чётче.

Его людей убили. Выжил Вторак, должен был. Кто ещё? Горазда разрубили на глазах у Вячко. Зуй, Зуя тоже не стало. Синир мог бежать, если ему повезло чуть больше остальных. Главное, что Втораку удалось спастись. Пока колдун жив, надежда не потеряна, без него же Вячко не справился бы.

Он не отводил взгляда от платка, хвостом вившегося за наездницей. Цветок больше не оборачивалась.

Кто её прислал? Вихрор?

Их явно поджидали в доме купца. Но были ли напавшие подосланы чужаком или их впустил сам Вихрор? Можно ли было вновь ему довериться?

Вячко бы поостерёгся.

Горазд и Зуй мертвы. И Синир, быть может, тоже. Скренорский ублюдок немыслимо раздражал Вячко в последние дни, а теперь он и вспомнить не мог, почему. Они были семьёй.

Мышца на щеке задёргалась, и Вячко потёр лицо окоченевшей ладонью. У него не было с собой рукавиц. Все вещи: шуба, сапоги — всё осталось в доме Вихрора. И меч тоже.

Будто молния его поразила. Вячко чуть не вывалился из седла. Меч отца!

Пропал.

— Цветок, — позвал он, и собственный голос показался чужим. — В вещах убитых был меч?

— Меч? — чуть повернув голову, переспросила девушка.

— Ратиславский боевой меч. Не длинный, такой можно удержать в одной руке, без украшений и драгоценных камней, но со знаками совы и медведя на рукояти.

— Нет, князьич, у них не было мечей, только сабли. Мечи в седле неудобны.

— А в мешках? Вы осматривали их мешки?

— Я не падальщик, чтобы в вещах мёртвых рыться, — фыркнула с презрением девушка и тут же продолжила: — Турар рылся. Э, Турар, — она обратилась к своему спутнику, и тот помотал головой в ответ на её вопрос. — Турар говорить, что не было никакого меча. Только золотое солнце, знак вашего бога. Твой?

Вячко залез рукой под рубаху, ощупал шею и грудь, но так и не нашупал цепочки с солом.

— Мой, — сказал он.

— Ваш бог злой, он обижал женщин, — вдруг продолжила Цветок.

— А Аберу-Окиа породила всех нечистых духов на земле, — Вячко и сам не знал, зачем вступил в этот спор.

— Она была предана испепеле... Испел... — Цветок запнулась, не в силах выговорить.

— Испепеляющим, — подсказал ей Вячко.

Кажется, она только сильнее рассердилась.

— Да. Вашим богом, — яростно сверкая глазами, произнесла Цветок. — Он хотел больше власти. Мужчины всегда хотят власти.

— Мой бог не велит пленить колдунов и неволить женщин.

— Он велит их убивать, — хмыкнула Цветок и со злостью стукнула пятками по бокам лошади, вихрем умчалась вперёд, и Турар вместе с Вячко пустились следом за ней. Верёвка на шее княжича уже не так мешала, он приноровился к ней, даже привык.

Снова снег полетел в лицо, дыхание сбилось от дикой скачки. Вячко, кажется, никогда так не гнал лошадь. Животное под ним летело стрелой, и удивительно было, какой быстрой оказалась маленькая крепкая кобыла.

Ноги в чужих сапогах разболелись, Вячко натёр мозоли. Руки покраснели и покрылись цыпками. Снег падал за ворот, и ветер проникал под одежду. Вячко казалось, что от него так воняло, что он был готов лишиться сознания.

Солнце садилось всё ниже, а лошади уже громко хрипели от усталости. Вячко хотел позвать Цветок, что

по-прежнему была впереди, уговорить её помедлить, дать животным передохнуть, когда впереди забелели стены города.

Руки точно по своей воле натянули поводья. Усталая лошадь споткнулась и остановилась. Верёвка на шее Вячко дёрнулась. Турар первым заметил, что княжич отстал, и лихо свистнул.

Цветок тут же развернула лошадь, оглянулась. Она была удивлена, словно не ожидала вовсе, что её пленник посмеет не следовать за ней, как послушный щенок.

Теперь, когда город был рядом, Вячко не боялся больше безлюдной степи, но и бой Турару он дать не мог. У него не было оружия, врукопашную он теперь не одолел бы здорового мужика. Что ему оставалось?

— Что такой? — раздражённо спросила Цветок, когда её лошадь подошла ближе.

— Куда ты меня ведёшь?

Девушка повела чёрной бровью, надула губы, задумалась.

— К большой мужчина, я не называть его имя, пока мы не в безопасности, — сказала она наконец. — Он велел мне проследить, чтобы люди Луны тебя не убили.

— Люди Луны?

Цветок нахмурила лоб и ответила не сразу.

— По-вашему, жрецы. Богословы. Они служить Луноликой Аберу-Окиа. Они похищать тебя у Вихрора.

— Что? — растерялся Вячко. — Почему?

В уме он перебрал уже всех возможных похитителей. То были люди Шибана, его сторонники, другие купцы, вроде Вихрора, и даже сам Вихрор. Какое храму до него дело?

— Они знать об халтэурх — о рабы. Знать, что ты хочешь освободить их. Это грех, — девушка поджала сердито пухлые губы. — Но большой мужчина не желает твоей смерти.

— И что же он желает?

— Мести, — чёрные глаза сверкнули ненавистью. — Шибан должен умереть. Ты, княжич, помогать.

В наступающих зимних сумерках лицо девушки казалось почти пугающим. Прямо и гордо она восседала в седле, точно истинный воин, и Вячко вдруг поверил, что она могла спокойно убить наёмника Санжара, как только он перестал быть ей полезен. Вячко увидел ярко и чётко, как маленькая девушка, чья рука была вдвое тоньше его, отправилась ночью в дикую степь, чтобы выволить из плена княжича из северных земель.

— Как тебя зовут?

Цветок улыbnулась.

— Позже я ответить на твои вопросы. — Она то на удивление чисто говорила по-ратиславски, то делала глупые ошибки, и речь её становилась гортанной и резкой.

Вдруг сразу, как по волшебству, стало темно, точно сверху землю накрыли огромным покрывалом. Вячко оглянулся. Солнце скрылось за низкими тучами далеко на западе.

— Будет снег, — сказала Цветок отстранённо. — Поспешим.

Она закрыла лицо своим красным платком, закрепила другой его конец на шапочке так, что на виду остались только её глаза.

Турар достал из седельного мешка шапку и серый длинный плат, спешил и поднёс их княжичу. Коротким ножом он перерезал верёвки на его руках и на шее, забрал повод из рук Цветка, убрал обратно в мешок.

— Спрячь волос и лицо, — велела княжичу Цветок. — Ты заметный, как белый жеребец среди овец.

— Как будто у вас не бывает ратиславцев, — пожал плечами Вячко, но нацепил шапку, обмотал лицо, скрывая волосы, подбородок и нос, как это делали жители степи. — Многие из нас рыжие.

— Но сейчас все ищут рыжего ратича. Быть может, нескольких уже зарезали. — Цветок направила лошадь чуть в сторону, и бубенцы весело зазвенели. — Не поднимай глаза, прячь лицо, не смотри ни на кого. Твои глаза могут тебя выдать. А теперь езжай следом за мной. Я поеду второй.

Турар двинулся первым.

— Вы уезжали втроём, — догадался Вячко. — На мне одежда этого Санжара?

— Да, — коротко ответила девушка.

— Ну и смердил же он.

— За это я его убила, — она хихикнула пугающе весело.

— Если ты и цветок, то на редкость ядовитый, — не выдержал Вячко. — Из тебя знахарка сделала бы яд или сварила смертоносное зелье.

Громкий хохот был ему ответом.

— Ох, княжыч, насмеши, — залилась она смехом, но быстро притихла и стала на удивление молчалива.

Белые стены города нависли над ними, точно скалы. Вячко натянул повыше платок и опустил голову, разглядывая свои красные руки.

Турар впереди обменялся парой слов со стражниками на воротах, и их пропустили, не взяв дани и ни о чём не расспрашивая. Турар ехал первым, и Вячко не мог толком ничего разглядеть, но когда с воротами поравнялась Цветок на своей тонконогой лошади, стражники согнули спины в глубоком поклоне.

Кто она?

Девушка, что ругалась и кричала как торговка на рынке, теперь держалась величественно, точно княгиня.

Несмотря на наступающую ночь, Дузукалан встретил их ещё людными шумными улицами, грязью под копытами лошадей и сворой нищих попрошайек. С визгами они окружили лошадь Цветка и начали хватать девушку за подолы одежды. Турар выхватил саблю и пару раз ударил ею плашмя по худым спинам. С криком попрошайки разбежались в поисках новой жертвы. Вячко надвинул шапку ниже на лоб и огляделся, не поднимая головы.

Впервые он увидел вольный город не из-за высоких стен, не при свете пламенника тёмной ночью, а в вечерних сумерках.

Богатый, шумный, грязный и прекрасный Дузукалан. Стены его были построены из белого камня, в предместьях у моря люди жили в ветхих лачугах, но внутри двор-

цы и поместья пестрели яркими красками разноцветных мозаик. Точно диковинная птица, город сверкал разными оттенками голубого, зелёного, золотого. Вячко чуть не свернул шею, когда они проезжали мимо храма Аберу-Окиа — он был чёрным с золотом, на крыше его горела золотая луна, окружённая звездами.

Вячко привык, что разные племена, часто не похожие друг на друга, жили в ратиславских княжествах, но Дузукалан всё равно поразил его. Он мог бы поклясться, что за всё время ему не встретился ни один похожий на другого человек. Горожане все носили разные одежды, кричали на разных языках, даже внешне они ни капли не были похожи.

Из какого племени происходила Цветок? К кому она вела княжича?

Вячко послушно направлял коня следом за девушкой и лишь иногда замечал, как она осторожно оборачивалась, проверяла, не сбежал ли пленник. Даже если бы он скрылся теперь от своих похитителей, то куда бы пошёл без денег и оружия?

Где-то в городе должны были жить и ратиславцы, но Вячко даже не представлял, как их можно найти. Путника, не знающего ни одного местного языка, могли быстро заметить.

В конце концов, Цветок и Турар до сих пор его не убили, и это внушало надежду.

Узкие грязные улочки вели дальше от ворот и долго вились между лавок, площадей, бедных домишек и роскошных дворцов. Лошади жались к стенам, и ногой Вячко чертил по известке хижин. Люди толкались, лезли прямо под копыта. Нигде не видел Вячко такой толкучки, даже торговый Старгород не знал столь огромной толпы. Смердело невыносимо, ещё хуже, чем от одежды, доставшейся от мертвеца.

Солнце скрылось, и зачадили пламенники и костры.

Наконец улочка привела их к большой площади, по сторонам которой стояли богатые дворцы, к одному из них направили лошадей Турар и Цветок.

Ворота распахнулись, приглашая в сад, где в ряд с голыми высокими деревьями стояли белые каменные фигуры людей и животных. У Вячко от восторга перехватило дыхание.

— Слэзай, — позвала тихо Цветок.

Вячко, ошеломлённый богатством и красотой зимнего сада, чуть не свалился на землю, когда спешился с лошади.

По обе руки от Цветка встали служанки в тёмных одеяниях, обитых мехом и вышитых золотой нитью. Какой богач мог позволить так одевать своих слуг?

Девушка развернулась и пошла напрямик к дому. Турар остался во дворе, отдал поводья лошадей подбежавшим конюхам. Вячко оглянулся в нерешительности на бородача и поспешил за Цветком.

Он остановился, прежде чем ступить на белые каменные ступени широкого крыльца. Резные деревянные двери, украшенные звёздами и луной, открыли стражи в богатых доспехах. Цветок не оборачивалась, и Вячко пошёл за ней, с трудом переставляя ноги.

Его всё ещё не убили, повторил он себе. Это уже было неплохо.

Путников встретил просторный зал, залитый светом десятков свечей. Вячко наступил сапогом на мягкий ковер и запачкал его снегом и грязью. Он остановился в нерешительности, сражённый смесью стыда и восхищения. Ни один ратиславский князь даже не мечтал о таком богатстве.

— Чей это дом?

Цветок, окружённая служанками с обеих сторон, остановилась и наконец обернулась.

— Ты гость хана Барджиля, да благословлять и приумножать дни его Лунолика, — голос девушки неожиданно до неузнаваемости переменялся, стал ласковым и тонким, и Вячко в недоумении уставился на неё. — Тэперь ты под его защита. Следуй за мной.

Она пошла дальше по ослепительно-белым залам, слепившим своей роскошью.

Хан Барджиль. Вячко никогда не слышал о таком. Сколько ханов прежде правили вольным городом? Десять? Двадцать? Знатные семьи Дузукалана до последнего лета делили власть поровну, пока Шибан не свергнул их всех. Отчего он не убил ханов, когда захватил власть? Хань не братья ему, а соперники.

У Вячко пугались мысли, а глаза слезились от блеска золота.

Мечислав или отец говорили, что Шибан казнил многих глав знатных семей в городе. Как спасся хан Барджиль?

Белые ступени и мягкие ковры проплывали под ногами, звенели бубенцы на платьях и в косах служанок. Вячко и Цветок были словно случайные гости во дворце хана. Пыль и снег осели на их одеждах и въелись в кожу. Девушка не открыла своего лица, хотя Вячко посчитал, что уже можно было снять шапку с платком и вдохнуть полной грудью.

Позолоченные двери одна за другой отворялись перед ними, а дворцу всё не было конца.

Наконец они дошли до одной из комнат, совсем маленькой в сравнении с просторными залами. Вдоль стен стояли сундуки с книгами, и Вячко готов был поклясться, что даже во владении златоборского храма не было столько рукописей.

— Молчи, когда говорит хан, — предупредила Цветок. — Со всем соглашайся и останься жить. Он хочет быть щедр к тебе и предложить великий дар.

Предвкушение и страх водили когтями по позвоночнику, и Вячко чувствовал, как липкий леденящий ужас пачкал его кожу, затуманивал зрение и обвивал паутиной лёгкие. Что за щедрый дар мог предложить хан? И какова была его цена? Вячко вдруг охватила злость на брата. Ярополка всю жизнь готовили к этому, его учили, как говорить наравне с князьями и королями, как не просить, а требовать. А Вячко служил в дружине отца и исполнял его приказы, точно ему не уготовано было так же править землями, точно он и способен только клонить спину и слушать приказы.

Ярополк даже со связанными руками не стал бы пленником. Отец и после смерти внушал людям больше уважения, чем его младший сын.

Быть может, Вячеславу никогда и не отдадут Приморский или Новисад, но Ярополк с детства не любил делиться.

Распахнулись двери напротив, и показался хозяин дворца.

Вячко предстал перед ханом, точно провинившийся сын перед разгневанным отцом.

Барджиль смотрел хмуро, исподлобья. Длинный пояс едва удерживал вместе края голубого, расшитого золотом халата на его выпирающем пузе. Пальцы хана были усыпаны перстнями, точно всю свою сокровищницу он пытался унести с собой. Седая борода выглядела жидкой и даже драной. Всем своим видом хан вызывал отвращение, отталкивал.

— Чичак, — произнёс он хрипящим голосом, и слово показалось Вячко смешным и чудным.

Хан поманил к себе рукой, и Цветок сорвалась с места, подбежала к нему маленькими шажками, склонилась в поклоне и поцеловала руку. Её служанки отступили, встали за спиной княжича.

— Чичак, — повторил хан и дальше заговорил на удивление ласково и благодушно, погладил девушку ладонью по щеке, скрытой под платком.

Слишком откровенно, чтобы она была наёмницей. Да и какая наёмница из девчонки, умевшей управляться только с кинжалом? Кто она? Его полюбовница? Хань часто помимо жён держали наложниц в своих дворцах. Но разве позволительно наложнице покидать дворец и вызволять чужих мужчин из плена?

Наконец Цветок встала по правую сторону от хана, и тот обратил внимание на княжича, вмиг лицо его переменялось. Не сразу, но Вячко понял, что странным показалось в хане Барджиле. Он не улыбался льстиво и сладко, как принято было у дузукаланцев, он смотрел прямо и презрительно, точно на мелкую букашку, на смердящего пса, что заляпал дорогие ковры, и от его взгляда Вячко

всё сильнее чувствовал, как ярость распалась в груди, как жгла сердце и горло. Он заставил себя выпрямить ноющую спину и расправить плечи. Вячко стащил с головы шапку с платком и бросил к своим ногам.

И заговорил, послушавшись совета своей похитительницы:

— Кто ты такой? Зачем меня похитил и что задумал? Если решил меня использовать, то у тебя ничего не получится.

Барджиль надул толстые, точно ватрушки, губы, одними глазами повёл в сторону Цветка. Девушка выступила за толмача и перевела вопрос. И Вячко отчего-то готов был поспорить, что она не сказала ни слова из того, что он на самом деле произнёс.

Но хан глазами впился в Вячко, и между бровей у него залегла глубокая морщина. Он оборвал девушку, повёл рукой, зазвенев золотыми браслетами на запястье.

Цветок бросила сердитый взгляд на княжича, но заговорила голосом, что был слаще мёда:

— Славный хан Барджиль, да благословлять его дом Лунолика, спрашивать, есть ли ты недоволен гостеприимством?

— Разве я здесь гость? — разозлился Вячко. — Гостем я был в доме купца Вихрора, а с тех пор я только пленник в руках то одних, то других.

— Вихрор, — повторил хан, громко засмеявшись, а после так громко и сердито выругался, что Вячко и без помощи толмача догадался о значении его слов.

— Купец Вихрор никто, княжич, — сказала Цветок. — Его родные сыновья предать его и доложить каган Шибан о тебе. Вихрора казнить на этот рассвет. Тебя защитить может только славный хан Барджиль.

Речь девушки походила на песню, но в глазах сверкали молнии. Вячко прочитал предостережение в её взгляде и сцепленных руках, он приметил, как похож сделался славный хан на разъярённого кабана, и сказал:

— И зачем хану Барджиллю защищать меня?

Цветок не стала переводить его вопрос и с удивительной самонадеянностью ответила сама:

— Потому что каган Шибан казнить глав великих родов, а тех, кого не казнить, обокрасть, — голос её журчал, как вода, голова была чуть склонена в знак покорности, но слова выражали одну лишь ненависть. — Он забрал себе сыновей, он пообещал лучших дочерей своим псам. Он утащать золото себе.

— Почему никто не остановил его?

— Многие боятся Шибан, потому что так велят люди Луны. Они говорить, он сын Аберу-Окиа. Некоторые семьи встать с его сторона, — пояснила Цветок. — Другие испугались. Те, кто нет, погибли. Два хана и их семья больше нет под светом Луны.

— И какой путь выбрал хан Барджиль?

— Хан Барджиль ждал, мудрый человек всегда ждать, когда псы грызутся.

— Значит, храм на стороне Шибана? — задумался Вячко. — Тогда почему они спрятали меня в степи? Почему сразу не отдали кагану?

— Я пока не знать.

Вячко посмотрел на Барджиля, тот наблюдал за ним так внимательно, что могло показаться, что он понимал, о чём шла речь.

Отец предупреждал, что многие из великих родов Дузукалана не пожелают мириться с властью Шибана. Но зачем им привлекать на свою сторону ратиславского княжича без войска да без власти?

— И что славный хан Барджиль желает от меня? — чуть покорнее произнёс Вячко.

Цветок перевела вопрос, и хан ответил ей всего пару слов, но речь девушки вышла такой долгой, что стало ясно, что не раз прежде она обсуждала всё с Барджилем.

— Хан знать, что ты хочешь освободить рабы и увести с собой. Славный хан помочь тебе с этим, княжич. Ты уйдёшь из города и поможешь своему брату, Великому ратиславскому князю. Когда каган Шибан соберёт весной войско и приведёт к тебе, ты поразить его и убить Шибан. Взамен за помощь ты и твой брат платить нам дань ещё дэсять лет.

Вячко раскрыл рот, и слова рвались наружу, но язык не слушался.

— Все ратиславские князья будут слать своих людей и своё золото. За это их города будут стоять.

— То есть ты просишь, чтобы мы спасли вас, а потом ещё и дань вам отдавали? — рассвирепел Вячко. — В чём же тогда наша выгода?!

— Вы будете жить, ты будешь жить, княжыч, — спокойно пояснила Цветок. — Славный хан Барджиль помогать увести осквернённых колдунов от власти храма, с ними победа на твоей стороне.

— А что, если Шибан тогда передумает? Он останется без главной своей силы. Может, и вовсе решит не вести войско на верную смерть.

— Не передумает, — лицо девушки оставалось безмятежным, точно лесное озеро, но Вячко видел её злые глаза. — Он обещать Рдзения. Их король пришлёт много люди в подмогу.

— Что?

— Шибан не пошёл бы на Ратиславию, если не знать точно. Рдзения пришлёт войска с другой стороны. Без колдунов вы не устоять.

А после, если княжества не падут, обескровленное войско не сможет обороняться от дузукаланцев и будет вынуждено отдать последнее ханам, чтобы просто выжить.

Но даже с колдунами против натиска с двух сторон Ратиславии не выстоять. Втрак был слаб и истощён, когда с него сняли чары дузукаланских жрецов. Много ли толку будет от остальных? Пусть они станут подмогой против кагана, но западные границы останутся беззащитны. К весне Ярополк стянет всех людей в Лисецк, а в столице останутся одни скренорцы.

Вячко почувствовал, как разболелась голова. Что делать? Что делать?

— Рдзения просить себе ваши западные города. Шибан брать остальное. Если ты согласишься, ваши города останутся вашими, а за это вы будете платить дань десять лет, — повторила Цветок. — Если ты согласишься, кня-

жыч, хан Барджиль пришлёт на помощь ещё наёмников. Много. Дэсят тысяч.

Десят тысяч людей за десять лет дани. Не выйдет ли, что больше людей Ратиславия потеряет, посылая рабов в Дузукалан?

— Не вижу смысла от твоей помощи, хан. Мы потеряем золото и людей что на войне с Шибаном, что расплачиваясь за твою помощь.

— Разница есть, — не дожидаясь ответа хана, произнесла Цветок. — Шибан желать все ваши земли себе. Вы или платить нам дань, или все умирать.

Вячко опустил взгляд, не в силах собраться с мыслями.

— Я не князь и не могу принимать такие решения сам, — выдавил он.

Барджиль сказал что-то громко и хрипло.

— Придётся, — перевела Цветок.

Вячко встретился взглядом с ханом. Значит, тот и вправду понимал его язык, быть может, не всё, но понимал.

— Даже если я дам тебе обещание, хан, это не будет значить, что смогу его выполнить, — обратился он напрямую к Барджиллю.

— Придётся, — повторила Цветок. — Только давая обещание, ты получать свобода. А в знак доверия и дружбы ты возьмёшь в жёны дочь славного хана Барджиля.

С губ Вячко сорвался смешок.

— Дочь? В жёны?

Он переводил взгляд с девушки на хана, и улыбка медленно таяла на его лице.

— Ты и есть дочь?

— Всех сыны хана забрал себе каган, — рассказала за чем-то Цветок. — Остались только дочери. Моя мать ратиславка, — напомнила она. — Я знаю твой язык, княжыч, я тебе подхожу лучше всех.

Буря, что бушевала в глазах Цветка, ошеломила Вячко. Он стоял пораженный, не в силах вымолвить ни слова. Что за шутку сыграли с ним нечистые духи и сама Аберу-Окиа! Если он откажется, так сразу лишится своей головы. Хан не станет держать у себя бесполезного пленни-

ка и не осмелится ни потребовать выкуп у Ярополка, ни отдать его Шибану, слишком опасно это для него самого. А значит, он вовсе избавится от Вячко, если поймёт, что от него не будет никакого толка.

А девчонка! Эта ядовитая невыносимая девчонка, что так дерзко грубила ему вначале, а теперь разыгрывала из себя покорную деву. Неужто она и вправду решила, что из их свадьбы выйдет что-то хорошее?

Лицо её оставалось непроницаемым, кротким, но Вячко видел, как испытующе Цветок на него глядела.

— Как тебя зовут?

Девушка оглянулась на отца, и он ответил сам:

— Чичак.

— Это значить цветок по-вашему.

Вячко почувствовал, как растерянность и смятение в его душе пожирал огонь, как ярость и отчаяние брали над ним верх. Он сжал руки в кулаки, чтобы не было видно, как тряслись его пальцы.

— И ты желаешь меня себе в мужья, Чичак, дочь славного хана Барджиля?

— Я покорна воле отца и счастлива стать женой будущего ратиславского князя, — как и положено хорошей дочери, ответила Чичак.

Вячко почувствовал кровь во рту, так сильно он от злости прикусил щёку.

От дочери хана избавиться будет непросто. Её не сошлешь в монастырь, не отравишь. Её жизнь — залог мира.

— Тогда скажи славному хану, что я безмерно благодарен за его предложение, но не могу столь опрометчиво принять решение, мне нужно время на раздумье.

— Надо торопиться, славный князьич. Снег скоро сойдёт. Зима близко к исходу, — с заметным недовольством сказала Чичак.

Наглая девчонка. Немыслимо было, чтобы хоть одна приличная девица посмела предлагать себя в жёны, а она даже не покраснела. И следа смущения не было на её лице, только наигранная покорность, едва скрывавшая воинственную решительность.

– Мне нужно время, – теряя терпение, повторил Вячко.

Хан выслушал перевод от своей дочери, посуровел ещё больше и снова заговорил.

– Ты, верно, считать, что у тебя есть помощь в городе? – перевела Чичак. – Но твоя одна надежда – это помощь славного хана Барджиля.

Княжич холодно посмотрел на девушку. Хан трижды хлопнул в ладоши.

И тогда двери в комнату распахнулись, и Турар втащил окровавленного Вторака, бросил колдуна прямо к ногам княжича.

– Ты можешь рассчитывать только на хана, – повторила Чичак.

ГЛАВА 3

Ратиславия, Лисецк Месяц лютый

– Князь! Великий князь едет!

Бежал народ со всех сторон, торопился, роняя шапки на бегу. Ребяшня радостно визжала, охали восхищённо бабы, склоняли покорно головы мужики, и все они жадно разглядывали Ярополка Снежного.

Одного князя недавно принял уже город Лисецк, его же проводил к Калиновым холмам на вечный покой.

Минул месяц, и новый князь вошёл в город, а подле него верхом на коне без седла, в мужской шубе и с двумя девичьими чёрными косами ехала лесная ведьма, и нельзя было сказать, кто больше вызывал любопытства у людей – Снежный князь или его спутница.

Дара держала голову высоко. Она крепко цеплялась в поводья лошади и людей перед собой не различала, видела лишь их шапки да пёстрые платки. Конь под ней волновался, окружённый со всех сторон шумной толпой, и Дара стянула рукавицу, чтобы погладить его по холке.

– Страшно? – хмыкнул рядом Снежный князь.

— Вовсе нет, — поджала губы девушка.

Ярополк улыбнулся весело.

— А бледна, словно смерть, — он подъехал ближе, добавил ещё тише: — Это они тебя боятся, лесная ведьма, а тебе бояться нечего.

Только тогда Дара огляделась внимательнее по сторонам, всмотрелась в горящие любопытством и ужасом глаза, прочитала в них почтение и восхищение, страх и восторг. Она — лесная ведьма, которая наслала на город Совин смертельное пламя. Её страшились, точно чумы.

Мысль эта заставила Дару расслабить пальцы, вздохнуть спокойнее. Её опасались, считали могущественной ведьмой, но при этом не бежали прочь, не кидали камни, а смотрели с благоговением, как на грозное языческое божество.

Княгиня Злата так же сожгла рдзенский город, тоже была лесной ведьмой, только она погибла в огне, который породила. Дарина выжила.

Конь будто почувял её уверенность, задышал спокойнее, послушно пошёл вперёд чуть поодаль от княжеского скакуна.

Только пару седмиц назад Дара прокралась в Лисецк тайком и после бежала, скрываясь от княжича Вячеслава. На этот раз весь город вышел к ней навстречу, а у княжеского терема поприветствовал Ярополка и его людей сам князь Чернек.

Он был стар, красен лицом, одутловат и не понравился Даре с первого взгляда.

Внимательный, цепкий взгляд оказался у Чернека, Дара сразу почувствовала на себе его пристальное внимание. Чернек смотрел так, будто знал о ней больше других.

Великому князю поднесли хлеб с солью, и Ярополк принял угощение, расцеловал Чернека по имперскому обычаю, а после вдруг поднялся по широкому крыльцу, оставил позади себя хозяина города и поднял руку к небу.

— Тише! — разнеслось по двору. — Князь говорит.

— Князь...

Ярополк ждал, а шум затихал, замолкал люд вокруг княжеского терема, все взгляды обратились к Снежному князю.

– Народ Лисецка! – начал он.

Дара вскинула голову, чтобы лучше видеть Ярополка. Высокий, широкоплечий, он возвышался надо всеми во дворе, и, казалось, что нельзя до него дотянуться, пусть и отделяло его всего несколько ступеней.

– В Ночь костров в вашем городе умер мой отец, Великий князь Мстислав, прозванный Мирным, – продолжил Ярополк. – Убийца его – трусливый пёс Шибан, который сам нарёк себя государем вольных городов. Он прислал в Лисецк колдунов, чтобы лишить моего отца жизни. Он прислал и других убийц за мной в Златоборск, но, как видите, вот он я, стою перед вами живой и здоровый, – Ярополк развёл в стороны руки, улыбнулся, блеснув белыми зубами. – Обломал я пару клыков псу Шибану, убил его лучших колдунов.

Тяжёлую тишину прорезали неуверенные смешки. Толпа зашепталась негромко, но мгновенно замолкла, стоило Снежному князю продолжить:

– Ранее осенью Шибан спалил Нижу и убил моего старшего брата, – стёрлась улыбка со смуглого лица, льдом обожгли глаза. – Из всех Вышеславичей я один остался у власти, но не забывайте, люди Лисецка, что мои предки основали ратиславские города, и весь мой род стоит на их страже. Я зубами вгрызусь в землю, но не сдам больше ни пяди нашей земли. По весне степняки пойдут сюда, к этим самым стенам. Но родом и именем своими клянусь, что Шибан близко не подойдёт к городу. Я встречу его в поле, в честном бою, и на этот раз ему не застать нас неожиданно, не подослать своих татей, не спалить деревень и не скрыться в степях. Здесь, в Лисецке, я соберу лучших воинов всех ратиславских княжеств. Те, кто был со мной в городе Снежном, знают, как я расправляюсь с врагами, знают, чего стоит моя месть. Весь север, весь остров Скренор узнали цену моей ярости. А сюда, в Лисецк, я пришёл не только с лучшими воинами, принёс не только свой меч.

Князь замолчал, оглядел толпу, внимавшую каждому его слову.

– Помнишь ли, народ Лисецка, мою бабу княгиню Злату? Она пришла из Великого леса, чтобы разнести слово Создателя по всей ратиславской земле и чтобы отдать свою жизнь, но не подпустить к нашим городам клятых рдзенцев. Создатель призвал Злату к себе и на долгие годы оставил ратиславские границы без чародейской защиты. Мы не лойтурцы и не рдзенцы, чтобы страшиться колдунов и ведьм, мы чтим силы, что даны самим Создателем, самой матерью-землёй, мы знаем, как использовать эти силы во благо. И потому в пору несчастья, когда степняки рвутся к нашим городам, Создатель послал нам новую лесную ведьму. Дарина...

Ярополк обернулся к ней, протянул руку, а Дара застыла на месте, не смея пошевелиться. Княжеский холоп подтолкнул её легонько в спину.

Окаменели ноги. Страшнее это оказалось, чем идти на поклон Моране-пряхе, страшнее, чем когда обливали чёрной кровью ворона в ночном лесу. Все люди, что собрались на княжеском дворе, не сводили теперь глаз с дочки мельника, и Дара чувствовала их любопытство и страх.

– Лесная ведьма...

Ярополк ждал, в голубых глазах читалось нетерпение. Дара поднялась на крыльцо, встала рядом на ступень ниже.

Снежный князь продолжил:

– Вы должны были слышать о новой лесной ведьме, это она сожгла Совин, отомстила за нашу княгиню Злату и князя Ярополка Змееборца. И она поклялась мне поступить так же с войском Шибана, когда оно пойдёт на Ратиславию. Ну что, Лисецк, веришь, что я, Великий князь, принесу победу?

Он улыбнулся широко. Толпа неуверенно шепталась, разглядывая Дару. И вдруг кто-то, кажется, из людей князя, выкрикнул:

– Верим!

И народ тут же подхватил:

– Верим! Верим!

– Спали степняков!

– Дотла спали!

Дара истуканом застыла на ступенях терема. Глаза бегали от одного лица к другому. Радость и ярость, вера и боль – их чувства смешались в жуткое месиво. Люди улыбались, но лица оставались злыми, а из глаз текли слёзы. Дара растерянно оглядывалась по сторонам, и каждый выкрик, каждый взмах руки вырывал из прошлого воспоминания, которые ей хотелось забыть. Она смотрела на ликующий народ, а видела перед собой Забытый переулочек, наводнённый разъярёнными людьми.

Но толпа не накинулась на лесную ведьму, не разорвала на куски. Толпа приветствовала её, улюлюкала весело, хвалила её преступление и на новое зверство понукала.

Они не чувствовали запаха гари, не видели сожжённые тела, они не отнимали чужие жизни, задыхаясь от восторга. Они никогда не были на её месте.

Дара оглянулась на Ярополка, и он прочёл удивление в её глазах, понял незаданный вопрос.

– Они ждут, что ты спасёшь их жизни, убьёшь их врагов, пока они сами будут прятаться за городскими стенами.

– Я уничтожила Совин, – возразила Дара. – Там были люди... невинные...

– Сколько раз рдзенцы палили Старгород? – успел только сказать Ярополк, как к нему подошёл грузный князь Чернек и вовлёк в разговор.

Дара осталась в одиночестве среди толпы, ожидая Снежного князя.

– Да озарит Создатель твой путь, госпожа лесная ведьма.

Позади стояла высокая женщина. Была она немолода и сухощава, будто после долгой болезни, и вокруг рта и на лбу её застыли морщины, как если бы она постоянно хмурилась.

– Княгиня Лисецкая Здебора желает встретиться с тобой, – сказала женщина и указала на крыльцо княжеского терема, где на самом верху стояла старая женщина в богатых одеждах, наблюдая за лесной ведьмой.

— Так что она прячется? — удивилась Дара. — Все здесь собрались.

Незнакомка скривила тонкие губы.

— Иди за мной, госпожа лесная ведьма, — бросила она с презрением. — Княгиня тебя ждёт.

Дарина оглянулась на Ярополка, но он был окружён боярами, и каждый желал с ним поговорить, каждый требовал внимания. Княгиня Здебора тем временем ждала. Не стоило настраивать её против себя. Неохотно Дара поднялась по ступеням крыльца.

Княгиня оказалась худа, как тростинка. Шуба выглядела огромной, слишком тяжёлой на узких плечах. Зимы давно забрали её молодость и красоту, однако остались при ней стать и гордость.

Дарина поклонилась низко, с почтением, приветствовала хозяйку Лисецка, и княгиня слегка улыбнулась в ответ, пригласила пройти на женскую половину дворца.

Ступала Здебора неторопливо, будто вымеривала каждый шаг, и мало обращала внимания на снующих вокруг девок-чернавок, на склоняющих головы боярынь и даже на свою гостью. Она провела Дарину в горницу, где коротала дни за вышивкой, принимала боярских жён и вела с ними беседы и где теперь за столом накрыли обед для княгини и её гости.

Дара замешкалась, оказавшись в богатых палатах. Внутри было тепло, даже жарко, и стоило снять шубу, но под густыми соболиными мехами скрывались старые простые одёжки, которые она получила ещё в Пясах от старухи Здиславы.

Здеборе помогли раздеться служанки, и Дара смогла рассмотреть золотую нить на длинных рукавах и жемчужную вышивку на груди.

— Не стесняйся, дорогая гостья, раздевайся. Здесь жарко натоплено, — произнесла княгиня, и её служанки тут же подскочили к Даре.

Дара осталась в своей штопаной льняной одежде, гордо расправила плечи и села за стол. Она не отвела глаз от княгини, а та не смогла скрыть презрения.

Все яства на столе выглядели немислимо вкусно. Стояли там и жареный поросёнок, и треска, и пряники. В походе даже Ярополк питался простой кашей, порой курятиной, а Даре и при жизни в Златоборске не выпадало счастья отведать подобных кушаний, и теперь, оставшись наедине с княгиней, она растерялась.

Немногословной оказалась Здебора. Она ела осторожно, откусывала маленькими кусочками, и Дара засмутилась самой себя, простых своих привычек. Обычно она громко чавкала — за это её даже Горица ругала, — и теперь кусок не лез в горло. Она решила только откусить немного от пряника, запила водой и села, ожидая, пока княгиня решит закончить эту пытку.

— Князь Чернек попросил меня позаботиться о тебе, — произнесла наконец Здебора, отложив в сторону тонкий нож, которым нарезала рыбу. — Он наслышан о новой лесной ведьме и рад, что ты будешь защищать наш город.

Дарина кивнула, проговорила что-то невнятное в ответ. Здебора смотрела внимательно, каждый жест подмечала, каждое слово.

— Ты, дорогая гостья, верно, устала с дороги. Всё-таки пусть ты и могущественная ведьма, но всего лишь женщина. Маланья, — позвала она, и тут же на пороге возникла рослая служанка, которая встретила ранее Дару на крыльце. На поясе её висела большая связка ключей. — Проводи нашу гостью в её опочивальню, позаботься обо всём.

— Слушаюсь, княгиня, — поклонилась Маланья.

Дара не спешила идти за ключницей.

— Я бы хотела сначала обсудить дела с Великим князем, — сказала она. — Быть может, я нужна ему.

— Если будешь нужна, так он за тобой прийдёт. — Взгляд у Здеборы был строгий, колючий. — Великий князь теперь с моим мужем беседует, у них разговор важный и долгий, после совет намечается. Женщины в государственных делах не разбираются, тебе не стоит беспокоить князя.

— Это ему решать, — вырвалось у Дары.

Лишь глаза выдавали недовольство княгини.

— Я хочу сначала встретиться с Великим князем и послушать, что он скажет. — Дара медленно поднялась из-за стола, посмотрела на княгиню сверху вниз. — Пришли, княгиня, мне холопку, чтобы помогала и дорогу в тереме показывала, за это благодарна буду. А пока нет у меня времени на отдых. Как ты и сказала, для дела я в Лисецке, для его защиты.

Здебора подняла кубок, сделала глоток и только после сказала:

— Маланья, проводи гостью, куда она пожелает.

— И ещё, княгиня, прошу тебя поселить вместе со мной мою сестру Весняну.

— Рада буду вас у себя принять. — Губы Здеборы растянулись в улыбке.

Глаза княгини оставались бледными, холодными, точно у рыбы.

Здебора оказалась права, Ярополк был занят. Дара прождала почти две лучины, пока не вышел Третьяк и предупредил, что совет затянется надолго.

После Третьяка стали выходить из дверей дружинники и знатные бояре, Дара заметила среди них Стрелу и позвала. Странно было говорить с ним после их знакомства в Совине, после того, как Дара узнала, зачем Стрела на самом деле находился в Рдзении. Повернись всё иначе, окажись рядом княжич Вячеслав, так, быть может, Стрела не стал бы беседовать с Дарой и тут же перерезал ей горло. Но теперь он стал женихом её сестры, дружинником её князя. Они были на одной стороне. Пока что.

— Не знаешь, надолго ли затянется совет? — спросила Дара, мучительно пытаясь вспомнить настоящее имя Стрелы.

— Думаю, да. Великий князь пока только нам раздал распоряжения, с ним остались воеводы и князь Чернек. А ты чего ждёшь?

Дара замаялась, не ответила. Не объяснять же дружиннику, что она надеялась поговорить с Ярополком о Здеборе, попросить совета, как вести себя дальше?

— Скажи, — вместо этого попросила Дара, — я видела с тобой ополченцев, которых ты показывал князю.

Среди них был один парень из деревни Мирной, откуда он там?

— Мирная принадлежит моему дяде, он собрал ополченцев и отдал под моё начало, чтобы я привёл их на службу к Великому князю.

Дара не решалась говорить дальше, и Стрела сам предложил:

— Устроить вам встречу?

— Если можно.

— Тогда чего время терять? Пошли, заодно займусь их размещением.

Дара оглянулась на закрытые двери в последний раз и пошла за Стрелой.

В городе стояла суматоха. Не готов оказался Лисецк к княжескому ополчению. Немало людей он принял, когда прибыл в город Мстислав Мирный, но ещё больше привёл с собой Ярополк.

Стрела направился напрямиком к длинной гриднице, где жили дружинники, и попросил подождать снаружи.

— Как звать твоего товарища?

— Богдан из деревни Мирной. Скажи, что его ищет дочка мельника Молчана.

Стрела кивнул и быстро взбежал по ступеням, хлопнув тяжёлой дверью.

Дара ждала в нетерпении, волновалась, дёргала чёрный мех своей шубы. Ей не давал покоя тяжёлый взгляд Богдана, когда они увиделись поутру. Отчего так недружелюбно он смотрел, словно Дара ему враг?

Из гридницы выходили люди, и каждый раз, когда распахивалась дверь, Дара вздрагивала. Ей было страшно встретить Богдана, как если бы он стал навьим духом, явившимся из мира мёртвых, из прошлой жизни.

— Вот твой товарищ, — наконец на пороге показался Стрела.

Позади него стоял Богдан. Рядом с ладным юрким Стрелой деревенский парень казался неказистым. Невысокий, широкоплечий, он был сложен, как медведь, а одет в простой овечий тулуп. Дара невольно сравнивала Стрелу и Бог-

дана и отчего-то думала, как странно, как чудно было бы, окажись здесь Милош. Он бы, верно, посмеялся над её девичьим увлечением, даже устыдил бы за «дурной» вкус. А ведь когда-то Дара была почти влюблена в него, и не только она. Многим девушкам из Мирной и Заречья нравился Богдан.

Он не изменился, остался прежним в сотнях вёрст от родного дома, а Дарина за минувшие месяцы прожила десяток разных жизней и почти позабыла, какой была дочка мельника.

— Не задерживайся, — велел Стрела Богдану. — У меня со всеми вами ещё разговор будет. А ты, Дарина, передай, пожалуйста, Весняне, что я вечером загляну.

Строгим, удивительно серьёзным сделался Стрела, Дара с трудом узнавала его.

— Хорошо, Ростислав, — вспомнила она наконец его имя. — Передам. Заходи, будем ждать.

Приглашение вышло неискренним. Нехорошо, что парень ходил к незамужним одиноким девушкам, злые люди могли напридумывать сплетен про Весю, опорочить её честь. За себя Дара не беспокоилась, лесной ведьме терять нечего.

Стрела ушёл, и Богдан спустился с крыльца, глянул на Дару искоса, из-под ресниц.

— Да озарит Создатель твой путь, госпожа лесная ведьма, — хрипло произнёс он. — Давно не виделись.

— Здравствуй, Богдан, — Дара рассматривала его, думая, как лучше начать разговор. — Какая же я тебе госпожа? — усмехнулась она.

— Так все тебя теперь госпожой величают.

— Ты меня всегда Даренькой звал, — напомнила она.

— Так то я звал дочку мельника, а не лесную ведьму... Нашла ты, значит, свою мать, — метнул он острый взгляд, в самое сердце попал.

Все в деревне верили, что мать Дарины сама лесная ведьма, только Старый Барсук и Молчан знали, что случайная рдзенская чародейка выносила ребёнка и сбежала.

— Нашла, — признала Дара. — Только она мертва, её казнили Охотники.

— Ты за это спалила Совин?

— И за это тоже.

Мимо то и дело сновали люди, одни заходили в гридницу, другие выходили, Дара с Богданом мешались всем на пути. Они отошли в сторону, встали под закрытыми окнами, неловко глядя в разные стороны, только не друг на друга. Странной вышла их встреча, словно два незнакомца пересеклись случайно, и говорить им оказалось не о чем, каждое слово рождалось тяжело.

— Расскажи, пожалуйста, как там дед Барсук, как Ждана? Давно их видел?

— Неплохо они, здоровы, это главное. Зареченские от них ушли, как только общую избу поставили. Старый Барсук снова ходит, но на мельнице он теперь совсем не помощник. Не знаю, как Ждана по весне одна справится.

Заныло сердце, на глазах неожиданно, пугающе быстро выступили слёзы.

— Как ты оказался в ополчении? Зачем согласился идти на войну?

— Никто меня не спрашивал. Приехал боярин, велел людей собирать, меня выбрали, так как я здоровый и сильный. Вот, теперь сражаться учат.

Они снова неловко помолчали. Дара кусала губы, Богдан глядел куда-то вдаль, топтался на месте, смешивая снег с грязью.

— Я могу попросить Великого князя отпустить тебя домой, — предложила Дара. — Он пойдёт мне навстречу.

Богдан вдруг посмотрел прямо ей в глаза, пронзительно, обиженно.

— Не надо, госпожа лесная ведьма, — процедил он. — Всё в порядке, не я один из Мирной пришёл, своих не брошу.

— Ты единственный сын у отца, кто будет ему помогать?

— А сейчас не только мой отец наследника может потерять, у всех так, — упрямо сказал Богдан. — Ты, госпожа, не сердись, а я пойду. Боярин Ростислав меня одного ждать не будет, за опоздание ещё и выпороть велит. А сестре своей, раз она тоже тут, мои добрые пожелания передай.

– Богдан! – Отчаяние прозвенело в голосе. Дара протянула руку, пытаясь ухватить юношу за локоть, но он быстро взбежал на крыльцо.

– Прощай, госпожа, – громко хлопнула дверь.

Дарине стало тошно и мерзко, словно помоями её облили. Что она сделала, чтобы Богдан её ненавидел? Вспомнились тут же собственные насмешки и издёвки, злые игры, в которые она играла с парнем. Но никогда прежде Богдан не говорил с ней так холодно. А теперь словно стена между ними выросла. Что же выходит? Он мог простить ей жестокость, но не превосходство?

Солнце уже клонилось к земле, быстро тускнели краски.

Дарина поспешила вернуться в княжеский дворец, на женскую половину и велела служанке найти её сестру.

Их с Весей поселили в большой тёплой палате, и пусть на двоих стояла лишь одна кровать, но она была мягкой и тёплой, застеленной меховыми шкурами. На полу лежали пёстрые ковры, а на стене напротив кровати висел бледно-синий гобелен лойтурских мастеров. Только в Рдзении, в домах Михала и ландмейстера Охотников Дара видела похожие гобелены, обычно рисовали на них цветы и сады, диковинных зверей и красивых девушек. На этом неизвестный мастер изобразил древний замок на берегу реки и толпу, что смотрела, как Охотники сжигают на костре женщину.

Языки пламени посерели от времени, чёрными тенями стали люди на берегу, лишь голубые воды и лазурное небо сохранили былую яркость, но нельзя ошибиться, невозможно не узнать Охотников, невозможно забыть лойтурские стяги и знаки ордена Холодной Горы.

Дара слишком хорошо помнила, как пахла палёная человеческая плоть.

Руки задрожали, горло словно сжала удавка, и из груди вырвался крик. Страшный, истощный.

Дверь отворилась, вбежала перепуганная служанка, замерла посреди комнаты.

– Что случилось?.. Госпожа, – растерянно проговорила она.

- Вон! – рявкнула Дара. – Пошла вон!
Девка кинулась прочь, а Дара сама поспешила за ней.
– Стой, – рявкнула она в спину убегающей девушке.
Служанка обернулась, лицо её вытянулось, побледнело от страха, но она не посмела послушаться.
– Отведи меня к Великому князю, – приказала Дара.

В покои Снежного князя она вошла неуверенно. Гнев успел затихнуть, но страх по-прежнему глодал сердце.

Ярополк сидел у печи в резном кресле, застеленном шкурами,пил из простой деревянной кружки. У печи копошился Третьяк, ворочал дрова кочергой, дабы распалить огонь.

– Вечер добрый, Дарина, – приветствовал князь.

Он взглянул на неё мельком и сделал глоток.

– Что стряслось? – Князь вытянул руку, и Третьяк тут же поспешил забрать у него кружку.

– Как ты понял, что что-то стряслось?

– Мне бы хотелось верить, что ты соскучилась по мне, но это вряд ли, – он произнёс это будто игриво, но во взгляде не читалось никакого интереса, одна усталость. – Так что случилось?

Дара покосилась на Третьяка, но Ярополка будто не беспокоило его присутствие, значит, при холопе можно было говорить.

– Я повздорила с княгиней Здеборой.

Ярополк едва заметно переменялся в лице.

– Быстро ты... Рассказывай.

Дара оглянулась по сторонам, подумывая присесть, но лавки стояли далеко от кресла князя, и девушка решила остаться на ногах. Да и рассказ вышел коротким. Дара искренне повинилась в собственном дурном нраве и высокомерии, поведала, как черства была с ней княгиня и как сама Дара резко отвечала на холодное гостеприимство.

– Старушка Здебора не меняется, – проговорил себе под нос Ярополк. – Третьяк, что скажешь?

Холоп собирал грязную посуду на столе, чтобы унести из покоев.

— Скажу, Великий князь, что у неё пуговицы на кафтане со рдзенскими совами, я успел заметить, когда Чернек её тебе представлял. А ещё мне рассказали, что в местном храме Пресветлый Брат — лойтурец. Говорят, Здебора его с собой привезла, ещё когда замуж выходила, она ему и помогла так высоко подняться.

— Лойтурец, значит, — хмыкнул Ярополк. — Впрочем, чего ещё ждать от Здеборы? Княгиня рдзенка, — пояснил он Даре. — Чернек взял её в жёны по настоянию моего деда, она в родстве с Болеславом Лисицей из совета Старшей Сова. Древний рдзенский род, сильный. Его предки основали Лисецк. Неудивительно, что лесной ведьме Здебора не рада.

— Так что мне делать? Она же смерти моей хочет, — Дара услышала, как предательски дрожал собственный голос.

Ярополк повёл бровью, нахмурился.

— Не показывай никому своей слабости. Быть может, даже продолжай быть заносчивой и наглой, — усмехнулся он. — Пусть злится. Здебора верит, что властна надо всеми в Лисецке, так покажи ей, что это не так. Ты же лесная ведьма.

Он оглядел внимательно Дару с ног до головы, и улыбка тут же потухла.

— Она тебя в этом видела?

Дара неловко поправила складки старой понёвы, кивнула.

— Совсем забыл, что из всех нарядов у тебя только шуба. Третьяк...

— Завтра подберу новые платья.

— Сегодня, — велел Ярополк. — И ещё бусы, перстни, гривны — возьми из моих сундуков всю эту ерунду, если чего не найдёшь, то купи. И вот ещё, найди моё Писание. Оно должно быть в...

— Знаю. — Холоп шустро метнулся в угол спальни, поднял крышку одного из сундуков и достал нечто, обёрнутое багряным бархатом.

— Вот, возьми моё «Слово на Рассвете», Дарина, — сказал Ярополк, и девушка приняла из рук холопа книгу, развернула ткань.

Священное Писание было в тяжёлом позолоченном переплёте, от золотого сола посередине к краям расходилась медовыми лучами янтарная россыпь.

Дара бережно держала книгу, поражаясь её красоте. На всю Мирную только у брата Лаврентия имелось Писание, было оно не в золотом, а в кожаном переплёте. Троугосец привёз «Слово» с Благословенных островов и дорожил им больше, чем собственной жизнью. Сама Дара почти не держала в руках книг, отец учил её писать на кусках бересты, а то и вовсе рисовал буквы палкой на земле. Теперь же ей досталось настоящее сокровище.

Девушка подняла глаза на Ярополка, он улыбался, и Дара осторожно, со странным, священным почти трепетом открыла первую страницу. На ней изображено было имперское кайло Константина-каменолома.

— Спасибо, Великий князь, — поблагодарила Дара. — Я буду беречь твой подарок.

— Надеюсь. Только учти, что Писание тебе не для красоты, а для дела. С завтрашнего дня дважды в день будешь ходить на службу в храм. Молись там поусерднее, чтобы ни у кого и сомнений не возникло, что ты веришь в Создателя, а не в Перуна с Мокошью.

— Но я же лесная ведьма...

— И что с того? Пусть силу тебе даст хоть сама Аберу-Окиа, покуда ты используешь её во благо, народ будет тебя любить. И бояться, раз эта самая сила у тебя есть. А правды никто знать не должен. Будем надеяться, что до весны никто тебя не раскусит.

Дедушка говорил, что зима не позволит лесной ведьме окрепнуть, не даст золоту в крови разгореться. Солнце не будет греть до самой весны, а Дарина останется не сильнее деревенской знахарки.

— Будем надеяться, — повторила девушка за Ярополком. — Спасибо за твой подарок и за советы, Великий князь.

Ярополк чуть склонил голову к правому плечу.

— Счастлив порадовать тебя, Дарина.

Дочка мельника плохо различала, что таится за сладкими речами, да и сама говорить красиво не умела, но ей

немало пришлось услышать лживых ласковых слов от Ми-лоша.

Она постаралась улыбнуться.

— Я счастлива просто быть здесь, подле тебя, Великий князь.

Ярополк не поверил бы, заметь он смущение на её лице, не поверил бы он и преданности или восхищению. Лесная ведьма улыбнулась лукаво, так, как улыбалась Ми-лошу зимними ночами.

— Где бы я могла столькому научиться? Думаю, любопытно будет поиграть с лисецкой княгиней.

— Не заиграйся, Дара. Здесь нужен опыт.

— Но у меня хороший учитель.

— Лучший, — поправил Снежный князь, и Дара рассмеялась его шутке, сверкнула тёмными глазами из-под ресниц.

— Лучший, — повторила она. — Спокойной ночи, князь.

В спальне на женской половине терема ждала сестра. Весняна уже расстелила постель, взбила подушки и теперь тихо, почти испуганно пыталась ругаться со служанкой, которая хотела навести порядок в комнате.

Дара остановилась на пороге, наблюдая, как девушки упрямо перетягивали друг у друга серебряный кувшин для воды.

— Мы с сестрой справимся без твоей помощи, иди, — сказала Дара.

Служанка посмотрела на лесную ведьму с нескрываемым возмущением. Дара равнодушно выдержала её взгляд. Странно, чудно было девке прислуживать простолюдинкам, пусть и вольным. Верно, только страх перед ведьмой или боязнь ослушаться княжеского приказа удерживали её здесь.

— Поутру ты мне понадобишься, проводишь в храм рассветную службу, — предупредила Дара служанку, прежде чем та выскользнула из их с сестрой покоев.

Веся с раздражением грохнула кувшин на стол.

— Да как же так? — вздохнула она с возмущением. — Дара, что же нас теперь и кормить с ложечки будут, как маленьких? Она меня привела сюда, сказала, что мы с то-

бой будем жить вместе, а потом как начала хозяйничать, меня вообще не слушала.

— У знатных людей принято, что за них всё слуги делают, даже умываться и одеваться помогают, — сказала Дара, и так странно было ей вспоминать о своей жизни в Златоборске, пояснять сестре то, что стало для неё привычным. — Но её злит, что мы с тобой простолюдинки. Ничего, смиритса. И ты привыкнешь. Неловко это, правда, поначалу. Главное, что мы теперь вместе.

— Верно, ты права, — согласилась Веся, продолжая осматривать спальню, как вдруг взгляд её упал на гобелен. — Ох, Дарка, ты видела?

— Да.

Пару мгновений они с сестрой стояли рядом, разглядывали побледневший от времени костёр и горящую на нём ведьму.

— Холодно что-то у нас, ты не мёрзнешь? — невинным голоском спросила Дара. — А то дров никто не принёс.

— Не холодно вовсе, — честно ответила Веся. — Ты раздевайся поскорее и залезай в постель, смотри, какие тёплые шкуры.

— Лучше огонь в печи пожарче растоплю.

И Дара рванула гобелен со стены. Ткань затрещала в одном углу и легко порвалась. Девушка дёрнула сильнее, ещё раз, ещё и, наконец, бросила гобелен себе под ноги.

— Что ты делаешь? — испугалась Веся. — Он, должно быть, такой дорогой!

— Ничего, расплачусь с княгиней как-нибудь, — процедила упрямо Дара и протащила гобелен по полу.

На столе в ларце для рукоделия лежали ножницы.

— Веся, помоги, — пропыхтела Дара, усердно разрезая ткань. — Возьми нож и рви эту тряпку помельче, целиком в печь не влезет.

Когда пришёл поздним вечером Стрела, девушки кидали лоскуты ткани в открытую печь, и огонь пел весело, принимая угощение. Ростислав присел рядом на постеленную на голый пол лисью шкуру, взял из кучи огрызок гобелена.

— Охотник, — тут же узнал он длинный меч со знаком Холодной Горы.

Дара молча забрала у него лоскут и кинула в огонь.

— Расскажи, — попросила она. — Только честно, зачем Ежи привёл меня к вам? Что вы ему обещали?

Стрела оглянулся на Весю, будто спрашивая её разрешения, и только после ответил:

— Мы с Небабой угрожали ему, грозились убить. Парниша испугался до смерти, он бы кого угодно привёл, не только тебя. Правда, взамен он взял с нас обещание вывести из города Весю и остальных, кого получится.

— Значит, Ежи знал, что вы пришли по мою голову.

— Конечно, знал, да и был не слишком против.

— Ясно.

Веся прильнула к Даре, положила голову на плечо сестры.

— Он не со зла, подумай только, как страшно ему было. Ты видела Небабу? Он же здоровый, что медведь.

— Страшно, конечно, — согласилась Дара мрачно. — Скажи ещё кое-что, Стрела, кому ты теперь служишь? Княжичу Вячеславу или Великому князю?

— Я состою в дружине Великого князя. Пока Мстислав правил, мы под его началом ходили, только князь все дела по дружине княжичу передал. Теперь выходит, что мы Ярополку служим.

— Значит, княжичу ты больше не подчиняешься? — Дара повернулась к Стреле, чтобы лучше видеть его лицо.

Огонь в печурке пылал ярко, почти как солнце.

— Нет.

— И если он прикажет меня убить, ты слушаешься?

Ростислав не выдержал её взгляда, обернулся вновь на Весю, ища совета.

— Ну и вопросы ты задаёшь, — пробурчал он. — Плохо же тебе, наверное, спится, раз такие мысли мучают.

— Будут мучить, раз жених сестры помышляет о моём убийстве.

— Дара, да что ты говоришь такое? — ахнула Веся, хватая её за руку. — Ростислав никогда не навредит тебе, я же его невеста, а ты будущая свояченица.

Стрела не сказал ничего, а Даре больше слов и не требовалось.

Веся поднялась, чтобы позвать холопа и попросить принести им ужин. Её тихий ласковый голос был слышен из-за двери. Дара прислушалась, повернулась к Стреле.

— Постарайся справиться свадьбу до весны, — прошептала она.

— Что? — он удивлённо распахнул глаза. В его зрачках отражались огоньки свечей, их тёплый свет делал грубое разбойничье лицо мягче и приветливее.

— Тише, я не хочу, чтобы Веся услышала, — едва слышно сказала Дара. — Пожалуйста, постарайся справиться свадьбу до наступления весны. Веся меня не слушает, но когда станет твоей женой, то будет обязана тебе подчиняться. Ей не место здесь. Она будет в опасности. Пожалуйста, женись на ней поскорее и отправь к себе домой. Я боюсь за неё.

— Я тоже, — прошептал Стрела.

Они смотрели друг другу в глаза, не мигая, и, кажется, впервые между ними возникло согласие.

— О чём шепчетесь? — раздался голосок Веси.

— Думаем, что бы ещё из княжеского дворца на растопку отправить, — усмехнулась Дара и подвинулась в сторону, чтобы сестра могла сесть между ними.

Веся взяла Дару за руку, положила голову на плечо Ростиславу. От печи шло тепло, и зима за окном стала не так страшна.

Гобелен скоро прогорел, наступило позднее время, и пора пришла гостю прощаться.

После, когда Веся готовилась ко сну и переплетала толстую косу, Дара осталась сидеть у огня и рассказала о встрече с Богданом. Веся от волнения готова была сразу побежать к нему в гридницу.

— Он что-нибудь рассказал о домашних? Как мать с отцом? Как дед? — распереживалась она. — Всё хорошо?

— Все здоровы, — соврала Дара.

Богдан мог случайно упомянуть, что Молчана больше нет на свете. Как Веся это переживёт?

«Как переживёт Ждана весну? — пришло отчего-то на ум. — Как она будет одна работать на мельнице?»

Если мачеха не справится, то они со Старым Барсуком умрут от голода, некому будет им помочь.

«Но, верно, Ярополк мог бы послать к ним холопа в помощь, а то и двух. Быть может, он даже подарит мне холопов, если я попрошу», — подумала Дара.

Раз Великому князю нужна лесная ведьма, так лучше ему постараться заслужить благодарность и верность Дарины.

Только мало толку от ведьмы без силы.

Дара заглянула в нутро печи, взгляделась в самую сердцевину огня, потянула золотую нить, затянула покрепче, привязывая к запястью.

Неожиданно печка громко охнула, содрогнулась, и огонь погас. В спальне стало совсем темно, даже свечи потухли.

Дара заморгала, ослеплённая вспышкой силы. Кровь её ярче вспыхнула на мгновение.

Этого было мало.

ГЛАВА 4

Ратиславия, Златоборск Месяц лютый

Стольный град запомнился Милошу другим. В начале лета он увидел его ярким, шумным, нарядным. Тогда Златоборск пестрел богатыми теремами, лепил разнопёрыми красками, радовал глаз весёлыми нарядными девушками и заморскими гостями. Златоборск был беззаботен и весел, как и положено богатому городу, что стоит далеко от границ и не знает войн, который не сторожат цепные псы, носящие знак Холодной Горы.

Зимний Златоборск побледнел и будто даже обезлюдел, хотя на каждом углу сидели теперь беженцы в изношенных одеждах и с усталым равнодушием просили милостыню. По-прежнему галдела ярмарочная площадь, но торговали теперь не дорогими тканями и драгоценными камнями, а мукой, рыбой и репой. Исчезли с улиц горделивые троутосцы и шумные бидьярцы, не видно стало купцов из вольных городов и с островов Лу Ху Чу, всех их заменили хмурые скренорцы.

Резкая грубая речь северян звучала отовсюду, и Милошу вдруг ратиславский язык показался мягче и приятнее, чем прежде. Он поймал себя на том, что вместе с другими ратиславцами недружелюбно косился на скренорцев, избегал их тяжёлого взгляда и торопился пройти мимо, когда замечал на своём пути.

И, что чудно, его куда охотнее теперь принимали местные, чем прежде. Милош остановился на постоянном дворе в предместьях и поначалу сторонился хозяйна и его жены, но в первый же вечер неожиданно разболтался с обоими.

От хозяйна пахло чесноком и хмелем, он поставил перед гостем кружку с пенящимся пивом, нарезал хлеба и сала и присел за стол сам. Милош не приглашал его, да и не был единственным посетителем в зале, оттого ещё сильнее удивился неожиданному дружелюбию.

— Попробуй сала, — вместо приветствия сказал хозяин и сам положил в рот толстый кусок с тонким ломтём хлеба. — Моя жена с Трёх холмов, из ваших, её мать научила, как правильно засаливать. Хорошо выходит. — Он облизнулся и вытер рукой жирные усы. — Я Ачим, будем знатья, — и хозяин протянул над столом всё ту же грязную руку.

Милош с плохо скрываемым отвращением посмотрел на сальные мужские пальцы, но сдержался, пожал руку хозяина.

— Милош.

— Что ж, Милош, далеко путь держишь или здесь, в Златоборске останешься? — Ачим покрутился на сту-

ле, усаживаясь поудобнее, разложил локти на столе и принялся с двойным усердием за сало с пивом.

— Ещё не решил.

Милош поглядел на поставленную перед ним кружку и тоже сделал глоток. В животе было пусто с самого утра, а хозяйка всё не несла заказанный ужин. Чесночный дух дразнил, манил, и юноша взял кусок сала, положил на хлеб.

— Хорошо сало, — признал он. — И вправду как рдзенское.

— Ну, так, — хмыкнул Ачим. — Врать не буду. В Златоборске больше никто так сало не делает, как моя жена.

Голод одолел брезгливость, и Милош накинудся на угощение, он ел жадно и так же жадно вдыхал запахи хлеба, хмеля и чеснока.

Ачим наблюдал за ним и пил пиво. Милош ловил на себе взгляд хозяина и никак не мог разобраться, что тот означал.

— Помню, точно так же после Хмельной ночи вы все шли через Златоборск, — сказал Ачим. — Сначала один, два, а потом сразу толпой. Думал, всей Рдзены так к нам и перейдёте, ан нет, остались ещё, значит.

Милош перестал жевать, замер, посмотрел напряжённо на хозяина.

— Остались? — спросил он невнятно с набитым ртом.

— Чародеи, — пояснил Ачим. — Или ты не потому сюда прибежал? Даже до нас дошли вести, как Охотники свирепствуют после пожара. На днях, говорят, запалили такой костёр на берегу Модры, что даже до Старгорода дошёл дым. Люди от ужаса и смрада прямо на улицах падали, прости Создатель, — и он осенил себя священным знамением. — Запах человеческой плоти... он... ну, ты-то, верно, знаешь лучше моего.

Кусок хлеба встал поперёк горла.

— Да не бойсь, не выдам тебя, — заверил Ачим. — Ты в Златоборске теперь, городе княгини Златы, а не на лойтурской горе.

Недоверие точило сердце. Милош внимательно рассматривал собеседника, мечтая заглянуть ему в голову.

— Разве ваш князь не внук Императора? Он же носит кайло на своих знамёнах.

— Верно, — согласился Ачим. — Только кайло это тебе не знак Холодной Горы, да и вообще, князь взял к себе на службу лесную ведьму. Любопытно даже, что на это скажет его дед?

— Лесную ведьму?

На губах Ачима мелькнула улыбка. Он, довольный расспросами гостя, откинулся назад, ещё больше выпятив круглый живот, и продолжил:

— Наш Великий князь теперь в походе, собирает ополчение в Лисецке, к весне готовится. Видел, небось, сколько скренорцев на улице?

Милош кивнул и засунул в рот ещё кусок сала, лишь бы не проговориться, не выдать жгучее нетерпение. Но Ачим как назло продолжил рассказывать про северян:

— Их всех с собой княгиня привела, она теперь правит вместо мужа, перебралась из Снежного вместе с наследниками, а с собой позвала людей отца, этих проклятых северян. Зуб тебе даю, недолго они будут такими мирными, от этого народа жди беды. Любой скренорец хуже дюжины рдзенцев.

Хозяин будто и не заметил, что оскорбил гостя, он пил пиво большими глотками, оттого всё больше пьянел и становился болтливее. Милош молча ел уже пустой хлеб, забыв про обещанный ужин, и слушал.

— Я ж помню, как раньше, ещё до того, как Ярополк в Снежном стал править, скренорцы деревни разоряли. У меня невестка с севера, она до сих пор плачется, что её отца в плен уволокли. Великий князь часто дружину посылал, да только без толку. Звери они, эти скренорцы, а не люди. Перуну по-прежнему молятся и другим богам, каким-то чужим, о которых даже здесь не слыхивали. Безбожники, одним словом. От таких жди беды, — повторил он. — Вот они сюда осенью притазились, сначала немного их было, а теперь тьма-тьмущая. Пресветлый Отец народ успокаивает, говорит, что скренорцы для охраны, для мира, значит, что княгиня их с собой привела, и они ей

подчиняются. Только в городе уже мира нет. Как так нас скренорцы охраняют, если честным девкам от них спасу нет? А торговцы жалуются, что их обдирать стали, откуп требуют в три раза больше, чем раньше. Мне пока везёт, мой двор далеко от городских стен, не добрались ещё. Но скоро распухнут от алчности, мало им станет, тогда-то и начнётся...

— Что начнётся?

— Так ясно, что: власти захочется больше, а княгиня и рада будет всё под себя подмять. Уже, говорят, будто она с Фиофано цапается. Две бабы под одной крышей никогда не поладят.

— Что ты опять на баб наговариваешь?

Перед Милошем на стол поставили деревянную тарелку с пшённой кашей, а рядом копчёную колбасу.

Хозяйка упёрла руки в боки, гневно поглядывая на мужа.

— Чем языком чесать, шёл бы разобрался с нашим гостем из угловой комнаты, а то он жалуется, что у него клопы в кровати.

— Клопы? Леший бы его задрал, — заворчал Ачим. — А шёлковых простыней ему не подать?

— Вот и узнай, может, и подать, — хмыкнула презрительно женщина и посмотрела с любопытством на Милоша.

Ачим поднялся неохотно и ушёл, ругаясь себе под нос, а хозяйка осталась возле стола.

Полная, румяная женщина напонила Горицу своим видом и привычкой понукать и ругать почти ласково. Разве что рушником она, как матушка, не замахивалась. Милош улыбнулся ей и спросил с некоторой опаской:

— Сильно ваши клопы кусаются?

— Да ты пойдёшь найди хоть одного, соколик. Если получится, я тебя в свою постель пушу.

— Муж возражать не станет?

— Старый боров так дрыхнет, что и не заметит, — хохотнула хозяйка, и Милош рассмеялся то ли шутке, то ли родному мягкому рдзенскому говору.

Женщина не спешила уходить и внимательно, без всякого стеснения разглядывала гостя.

— Что ты, насовсем из Рдзений? — вдруг с материнской жалостью спросила она.

— Наверное, — пожал плечами Милош и взял наконец ложку, зачерпнул немного каши. — Только не знаю, куда здесь податься.

— А что ты умеешь?

Милош некоторое время сомневался, стоило ли говорить о себе правду, но всё же ответил честно:

— Я лекарь, обучался в Совине. Но, говорят, в Ратиславии каждая деревенская бабка разбирается в травах, да ещё и заговоры читает.

Женщина оглядела Милоша с головы до ног.

— Каждая, да не каждая, учёным лекарям князь будет рад, он теперь разных людей привлекает.

— Да уж, слышал, что даже лесную ведьму, — будто невзначай обронил Милош и улыбнулся весело. — Неужели правда ту самую, из Великого леса?

— Так говорят, — выгнула бровь хозяйка. — Она ещё осенью в Златоборск с княжичем Вячеславом пришла, но после исчезла, и ходили слухи, что она убила кого-то на княжеском дворе. Но раз Великий князь её принял обратно, значит, врал.

Милош повёл глазами по сторонам. Народ в зале вёл себя тихо, каждый держался отстранённо, и в каждом Милош подозревал недоброе.

— Что же, князю всё равно на заветы храма? Создатель велел гнать ведьм и колдунов прочь.

— Соколик, наш князь сам внук лесной ведьмы и потомок Константина-каменолома, ему-то лучше знать, чем Пресветлым Братьям, что хорошо, а что худо. И уж не нам за него решать. — Она поджала губы и наморщила веснушчатый нос.

«Пусть и рдзенка по рождению, а говорит, как ратиславка», — отметил Милош.

— Твоя правда, не нам решать за князей, — согласился он мягко.

В ту ночь Милош не смог заснуть. Кровать и вправду кишела клопами, а из окон дуло, как если бы вместо ставней на них висело решето. Голова помутилась от выпитого на голодный желудок пива, Милош кутался в тулуп и плёл сеть заклятий, чтобы согреть холодную постель.

Ночной Златоборск был на удивление живым и шумным, но не для обычных людей — для чародеев.

Милош слушал непривычные шорохи и шепотки, щурился и видел даже сквозь стены, как вдалеке по улицам гуляли духи.

С тех пор как Милош покинул Совин, ему будто стало легче дышать. Пусть с города спала защита Охотников, но только здесь, далеко от их владений, навьи духи не боялись бродить среди людей. Их даже стало больше, чем прежде, особенно в Златоборске, словно что-то манило их в столицу.

Это сводило с ума и пьянило сильнее хмеля.

Милош продолжал плести заклятия, когда вздрогнул от необъяснимого волнения. Странная тревога прокатилась волной по улице, нахлынула, опалила первобытным ужасом и понеслась дальше. Он привстал и огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что не отсюда кричала беда, а из-за стен постоялого двора.

Он подошёл к окну и распахнул ставни, пуская внутрь северный ветер. Сорвалось заклятие, рассеялась сеть, и в комнате тут же стало холодно, но Милош уже не обратил на это внимания. Он взгляделся внимательно в тёмную улицу, в чёрное небо без единой звезды, в далёкие размытые тени, что гуляли по округе.

Кромешная ночь царил вокруг, безлюдная, но только для человека. Вдалеке бил колокол, и с каждым ударом тише, темнее становилось вокруг. Огни потухали одни за другими, один детинец на высоком холме по-прежнему был ярко освещён.

Что-то странное творилось в городе. Там, за высокими стенами Златоборска, нечто чужое двигалось по площадям и переулкам.

Милош скинул тулуп, спрятал под тюфяком свёрток с драгоценностями и разделся догола, оставил одно лишь соколиное перо на груди. Кровь забурлила, запела, и кости начали ломаться, обращаясь в крылья и лапы.

Засвистел ветер, улетела вниз земля. Соколом чародей взмыл над городом и оглядел Златоборск уже с высоты.

Под сильными крыльями раскинулось чёрное поле, а в нём горели золотые звёзды. Не на небе, на земле — то навьи духи гуляли мимо домов. Медленно они плыли по окраинам столицы, но в сердце её, там, где стоял княжеский дворец и беспокойно пылало золото, что-то чёрное кралось хищным зверем, пробиралось всё ближе ко двору, разгоняя духов в разные стороны.

Милош бросился вниз, ещё сам не зная, зачем. Чем ближе становился княжеский двор, тем яснее проступали образы и слетали обманные чары.

То крался не зверь, не чёрная бесплотная тень. Человек.

Сокол резко вильнул в сторону, за башенки часовни, когтями зацепился за крышу и вскарабкался выше, чтобы выглянуть из-за укрытия во двор.

Стража будто не замечала незнакомца, хотя тот даже не скрывался. Он стоял посреди двора, смотрел прямо на окна терема, как будто мог видеть сквозь стены, как будто долго искал кого-то и наконец нашёл.

Человек скрывал лицо за высоким воротом и пушистой меховой шапкой — не разглядеть ничего.

На стенах детинца волновались духи, кружили хороводом, но ни один не смел приблизиться.

Сокол-чародей смотрел и с удивлением понимал, что этот человек ему знаком. Он уже видел и ощущал эту пустоту, холод, голод и алчность.

Чёрный человек сделал неуверенный шаг и снова замер. Ещё шаг, ещё один. Он ступил на крыльцо, оставаясь по-прежнему незамеченным, поднялся, отворил тяжёлую дверь и скрылся за ней.

Духи сорвались с места. Огромная тень проползла по крыше мимо Милоша, чуть не сбила сокола и нырнула в трубу.

«Домовой», — узнал чародей.

Дух-хранитель в княжеском дворце был сильный, здоровый, но даже он не остановил чужака.

Почему?

Любопытство терзало Милоша почти нестерпимо, и его тянуло пробраться во дворец, проследить за незнакомцем. Если бы Милош обратился теперь человеком, так остался бы совсем голым. А соколу во дворце было не место. Птица — не кошка, ей тяжело оставаться ловкой и тихой, крадясь по коридорам.

Милош сорвался с крыши и облетел дворец кругом, приглядываясь, прислушиваясь. Птица иначе ощущает, чем человек, но даже в соколином облике чародей видел пустоту, что гуляла внизу.

Внутри дворца тень долго металась от двери к двери и наконец остановилась. Нашла.

Оборотень опустился на крышу. Когти скребли по дереву, когда птица пыталась забраться на окно, заглянуть за ставни.

— Чего это там? Нетопырь, что ли? — раздалось внизу.

Милош замер, чуть не упав с узкой ставенки. Лапы сокола созданы, чтобы перебить хребет ворону или схватить зайца, а не карабкаться по стенам.

— Нетопырь? Зимой? Да ну, это птица.

— Какая, к лешему, разница? Эта дрянь в окно княжны долбится. Шарахни её копьём, — послышался второй голос.

Но прежде чем стражники попытались дотянуться накопечником копья до окна терема, сокол неловко сорвался, рухнул на самую землю, взметнул снег крыльями и взлетел, словно пьяный, качаясь и припадая вниз и снова взмывая уже быстрее и улета прочь от княжеского двора.

Утро встретило мокрой промёрзлой постелью и больной головой. Мутило, крутило желудок и члены. Тело, отвыкшее от обращений, ломало и трясло. Милоша бил озноб, когда в дверь громко застучал хозяин постоянного двора.

— Эй, господин лекарь, вставай скорее, дело есть! — Если бы Милош не повесил засов, так Ачим, верно, зашёл бы, не церемонясь.

— Чего тебе надо? — пробурчал Милош еле слышно. Голос его не слушался, тело плохо подчинялось. Он оторвал голову от постели, не в силах подняться.

Ачим его не услышал и продолжил стучаться.

— Вставай, говорю, тебя к княгине требуют!

Милош закрыл рот рукой. Что за дрянь подливал ему вчера хозяин?

— Соколик, — послышался голос хозяйки. — По всему городу умелого лекаря ищут, пойдди, помоги княжне.

Ногами удалось нашить сапоги, только никак не получалось обуться. Милош плюнул на затею и босиком доплёлся до двери, поднял тяжёлый засов и чуть не упал на месте. Голова кружилась.

— Да ты совсем зелёный, соколик, — ахнула хозяйка, когда отворилась дверь. — Тебе самому лекарь нужен.

— Мда, не умеют рдзенцы пить, — крикнул Ачим. — Чего, добрый господин, совсем поплохело?

Милош только икнул в ответ и снова зажал рукой рот. Говорить он не мог и не желал, развернулся, поплёлся обратно к кровати, упал на холодные влажные простыни и закутался в одеяло с головой, поджимая длинные ноги.

Хозяйка закужила вокруг него, заклохотала, точно курица.

— Ачим, принеси гостю тёплой воды и горячей похлёбки, — раздавала она указания, а сама уже вытащила чародея из-под одеяла и принялась коротким гребешком расчёсывать светлые локоны. — Как же тебя развезло от простого пива-то, — приговаривала она с укором, пока нежные пальцы приводили в порядок его волосы.

— Пиво у тебя, хозяйка, хуже сала удаётся.

— Ты бы за такие гроши не жаловался, — оскорбилась женщина. — Ох, горе моё луковое, просто надо уметь пить.

— Я умею.

— Умел бы, так от пива бы тебя не косило.

Милошу хотелось сказать, что он не приучен пить дешёвое пойло бедняков, он привык к имперскому вину, но пришлось промолчать. Да и вряд ли дело было только в пиве. Тело отвыкло от чар, от обращений, и ночные волнения повлияли на него не меньше, чем хмель.

Вернулся Ачим, Милош умылся тёплой водой, хозяйка заставила его съесть немного похлёбки. Постепенно к телу вернулась жизнь, а к разуму ясность мысли.

— Так с чего вы меня подняли с утра пораньше? — сторбившись над миской, Милош громко хлебал похлёбку.

— Обед уже, — крикнул смешливо Ачим.

— Княгиня с самого утра клич по городу бросила, ищут лекарей, зовут всех, кто есть в Златоборске. Молодая княжна приболела, помощь нужна. Я и подумала сразу о тебе. Раз ты работу ищешь, так это самый лучший способ на княжескую службу попасть.

Милош встрепенулся, выпрямился.

— Молодая княжна? — повторил он.

Ночью стражники говорили, что это под её окнами летал сокол, значит, именно к ней в комнату прокрался неизвестный гость.

— Княжна Мирослава, единственная дочь усопшего князя. Уж не знаю, что приключилось, но княгиня всех подряд созывает. Обычно при дворе есть свой проверенный лекарь, но, видать, приключилось что.

— Говорят, ещё осенью его лесная ведьма убила, — тихо, как страшную тайну, произнёс Ачим.

— Ведьма знахаря убила? Брешут. Ворон ворону глаз не выклюет.

— А, чтоб вас и вашу болтовню, — Милош схватился за голову. — Говорите тише.

Хозяйка деловито подняла с пола разбросанную одежду, отряхнула и оглядела с презрением.

— Пойдёшь в таком на княжеский двор, так засмеют, — заключила она.

— Пусть смеются, пока не увидят, на что я способен, — надулся Милош и протянул руку за одеждой. — Но твоя правда, хозяйка, стоит пойти помочь княжне.

Если он собирался попасть на службу к ратиславскому князю, то этот случай выпал как нельзя кстати. К тому же Милош мог наконец узнать, зачем незнакомец проник во дворец и искал княжну.

Никогда прежде, пожалуй, даже во время жизни своей в Гняздеце, когда целыми днями Милош оставался соколом, а по ночам брёл по дороге в Совин, не выглядел он так жалко. Одежда на нём была самая простая, много раз перештопанная, изношенная и сальная после долгой дороги. В пути Милош не рисковал одеваться в богатые одежды, чтобы никому в голову не пришло искать у него не то что драгоценности, которые он прятал за пазухой, но даже кошель с грошами. Но то было в пути, теперь ему предстояло встретиться с княжеской семьёй. Со слов Дары Милош понял, что пусть они, как и вся знать, холодны и высокомерны, но чародеев ценят и уважают. Только одно дело – одарённый чародей, а другое – лекарь-бродяга. Встречают всё же по одежке. Хозяйка постоялого двора была права.

Впрочем, раз княгиня бросила клич, значит, плохи были дела у княжны Мирославы, не ждало время, и потому Милош сомневался, прежде чем отправиться на торговую площадь. Его опыт общения с рдзенской знатью заставил задержаться, пройтись по торговым рядам, присмотреться к готовому платью. Ясно, что было оно в разы хуже того, что шили на Милоша по заказу в Совине. С лотков продавали поношенные чужие кафтаны или те наряды, что не смогли выкупить у швей заказчики. Но Милош был высок и хорошо сложен, и даже чужое платье смотрелось на нём ладно. Он выбрал кафтан с меховой подкладкой, принадлежавший ранее, по словам купца, некому троутоскому благородному господину. Под кафтаном вышло спрятать драную рубаху и порты, только сапоги, увы, Милош так и не подобрал. Тогда он надел пару перстней Часлава, его же жемчужную серьгу и направился к княжескому терему.

Нелепый, верно, был у него вид: сверху камня и меха, а снизу стоптанная кметская обувь, поэтому на княжеском дворе его приняли с ожидаемой враждебностью.

— Значит, ты лекарь? — с сомнением спросил скренорец, стоявший на входе.

— Странствующий ученик имперского целителя, — пояснил Милош и горделиво вскинул голову, поправил невымытые волосы так, чтобы стражник разглядел и перстни на пальцах, и серьгу в ухе. — Слышал, княгине нужны мои знания и умения.

— Как сказать, княгиня Фиофано ищет умелых лекарей, а не голодранцев-обманщиков.

— Я как раз умелый лекарь, — с презрением процедил Милош. — Так что не трать моё время попусту и проводи к княгине.

Стражник шмыгнул кривым носом и почесал затылок.

— Подожди тогда, господин умелый лекарь, — перерезал он. — Я сообщу о тебе, а там пусть решают.

Милош остался во дворе и уже начал сомневаться, что его пропустят, когда скренорец вернулся и с недовольной миной разрешил войти. Видимо, немного желающих отозвались на приглашение княгини.

От серого морозного утра Милош скрылся в тёмных сводах дворца и поначалу ослеп, оказавшись в полумраке, где лишь редкий свет из-за закрытых ставней падал на стены и чертил на них светлые полосы.

Чародея встретила ключница, от её цепкого взора даже в полутьме не укрылись старые сапоги Милоша, но женщина ни словом о них не обмолвилась.

— Идём, господин лекарь, — позвала она. — Если поможешь княжне Мирославе, Великая княгиня тебя щедро наградит.

— Великая княгиня лекаря не ищет, — перебил скренорец. — А Фиофано больше не Великая княгиня.

Лицо ключницы перекосило. Оскорбление жгло ей губы, так и норовило сорваться, но она сдержалась.

— Ты, господин лекарь, не вздумай жульничать, — обратилась ключница снова к Милошу. — За обман у нас то же наказание, что и за воровство.

— И какое же наказание у вас за воровство? — полюбопытствовал Милош.

— Отрубают руки.

— Вряд ли мне такое понравится. Руки в работе лекаря пригодятся.

Внутри было темно и душно. Пахло смолой, но с каждым шагом по прогибающимся половицам в ноздри всё сильнее бил знакомый мерзкий смрад.

Кровь.

— Что случилось с княжной Мирославой?

Ключница чуть повернула голову, но передумала отвечать, поджала губы плотно, взмахнула длинной косой и пошла дальше. У тяжёлой двери стоял стражник, он был не из простых — на поясе висел меч, а в ухе болталась серьга, усыпанная бриллиантами. Смугл, черняв, и нос у стражника длинный, хищный. Трoutосец.

— Откуда есть?

— Из Рдзении теперь, а до этого учился на Благословенных островах.

Трoutосец осмотрел Милоша с сомнением и спросил на родном наречии:

— Где жил?

Не зря прошли уроки Стжежимира, Милош отвечал по-троутоски пусть и с сильным рдзенским говором, но бойко:

— Нигде. Я скитался, учился у разных людей, а учитель мой родом с Айоса, он был учеником самого Виссариона Акинского.

— Ну-ну, — недоверчиво пробубнил стражник, но всё же распахнул перед целителем дверь.

Чтобы войти внутрь, пришлось согнуть шею, дабы не удариться головой о притолоку.

На столе горел глиняный светильник, возле него, сложив руки на подлокотниках кресла и выпрямившись, будто кочергу привязали к спине, сидела Фиофано. Пол-

ная, одутловатая женщина, давно растерявшая известную на весь свет троутоскую красоту. Лицо покраснело, к мокрым щекам прилип белый платок, покрывавший голову. Возле княгини сидели служанки: одна обмахивала хозяйку опахалом, другая обтирала тончайшим платком, смоченным в воде, багровые щёки.

— Ты целитель? — княгиня не пошевелилась, только стрельнула чёрными глазами. Пальцы, униженные золотыми перстнями, сжали резные подлокотники кресла.

— Я, Великая княгиня, — Милош поклонился, как умел, на рдзенский манер, пожалуй, недостаточно низко для ратиславской княгини. Но та стерпела.

— Кого лечил?

— Разных людей, всё больше знатных.

— Кого-нибудь от лютой смерти спас? От неизбежной смерти? От чёрного глаза?

— И с волхвством сталкивался, если ты хочешь знать, Великая княгиня.

— Сам чародей?

Милош медленно разжал сведённые судорогой пальцы. От его ответа слишком многое зависело. Чего она желала? Простого человека, обученного лекарскому делу, или могущественного чародея, способного выхватить нить жизни из рук самой Морены-смерти?

— Мои родители были.

— Волховать можешь или нет? — нетерпеливо спросила княгиня.

— Отвечай по делу, — строго велела стоявшая за спиной ключница.

Милош посмотрел на неё из-за плеча с ледяным высокомерием, перевёл взгляд обратно на княгиню.

— В наше время такие вопросы задают на допросах в темницах или сразу на костре. Я пришёл не отвечать на вопросы, Великая княгиня, а помочь твоей беде. Есть ли разница, как я это сделаю и кто я такой?

Фиофано едва заметно покачала головой и махнула рукой.

— Делай, что умеешь, — сказала она.

Милош задержался на мгновение, он готовился, что княгиня пригрозит наказанием и даже смертной казнью за неудачу, но Фиофано не произнесла больше ни слова.

Девушки-чернавки поднялись, подвели чародея к большой постели, и только тогда среди взбитых подушек, меховых шкур и шёлковых покрывал Милош разглядел бледное, осунувшееся девичье личико.

Молодая княжна потерялась среди великолепия убранства. Щёки её были белы, как снег, волосы спрятаны под платком, а сама она лежала, укрытая до подбородка так, что наружу виднелись только нос и глаза.

Милош подошёл ближе.

— Что с ней случилось?

— Такой её нашли утром, лежала ни жива ни мертва, — полушёпотом ответила одна из чернавок. — Стали будить, она не просыпалась, приложили зеркальце, то запотело, а мы уж испугались, что госпожа отдала Создателю душу.

— Тьфу-тьфу-тьфу, — вторая девушка постучала по деревянному изголовью.

— Как прошла ночь?

— Тихо, спали все.

— И княжна спала одна? — допытывался Милош.

Он огляделся по сторонам, рассмотрел золотой сол в углу, большое мутное зеркало на столе и ларцы с украшениями, гребешки и ленты — всё, чем пестрели покои Мирославы.

— Нет, я здесь же дремала, у двери, как всегда, — ответила одна из чернавок.

— И ничто тебя не разбудило? — усомнился чародей.

— Тихо было, а мимо менямышь не проскочит.

Не мог незнакомец зайти неслышно, не разбудив никого. Если девушка не врёт, открывающаяся дверь должна была её задеть. Но если неизвестный — чародей, то в его силах усыпить любого. В конце концов, он прошёл мимо стражи незамеченным.

Милош обошёл постель, покрутил головой, щуря глаза. Нет следа чар, не видно потухших плетений и сетей. Не в колдовстве дело, не только в нём.

— Мне нужно осмотреть княжну.

— Так вот она.

— Всю, — предупредил Милош. — Я должен понять причину её недуга.

Чернавки оглянулись с возмущением и страхом на княгиню.

Фиофано кивнула и отвернулась.

Милош откинул в сторону меховое покрывало и тяжёлые стёганые одеяла, стянул с девичьего тела тонкую шёлковую простыню и велел служанкам раздеть княжну до гола. Девушки с молчаливым ропотом выполнили приказ.

Но осматривать всё тело не было нужды. На нём не нашлось ни изъяна, таким чистым и изнеженным оно было, только на сгибе локтя виднелся длинный струп. Кончиками пальцев Милош осторожно провёл по нему.

Как чисто и быстро всё зажило.

Он присел, оказался на одном уровне с Мирославой. Милош моргнул пару раз, прищурился и посмотрел иском на княжну. Тёмной, безжизненной и бездыханной она казалась, холодной, как зимняя ночь, но в глубине, немислимо далеко сияли золотые звёзды.

Кровь Златы не так слаба, как можно было ожидать. Но выпита досуха.

— Она потеряла много крови, — заключил Милош.

Фиофано села вполоборота, перевела мрачный взгляд с одной чернавки на другую.

— Кто из вас убрал всё здесь?

— Великая княгиня...

— Которая из вас? Ты, Забава? Не поверю, что Белуна додумалась.

Девушки рухнули в ноги Фиофано.

— Великая княгиня, клянусь Константином-каменоломом и семью его сыновьями, не было здесь крови, — заголосила Забава. — Белым-бела рубаха княжны Мирославы, посмотри сама! Это та самая рубаха, в которую её одели

ко сну прошлым вечером. В спальне не пролилось ни капли крови, я же здесь спала, я бы не могла не заметить, если хоть бы волос на голове княжны иначе лежал. Чародей врёт!

Фиофано грозно и недоверчиво посмотрела на Милоша, но продолжила обращаться к чернавкам:

— Что же тогда, Мирослава прогуляться ночью вышла, пролила кровь свою и вернулась?! И уходила она не иначе как через окно?

— Не спеши винить девушек, Великая княгиня, — попросил Милош. — Не думаю, что сделанное им под силу.

— А кому да?

— Не знаю, — честно признался Милош. — Может, другому чародею.

— Уж не тебе ли?

— Зачем бы я пришёл сюда при свете дня, если мог прокрасться ночью так, что никто бы и не заметил?

— Не знаю. — Фиофано стала походить на надутую жабу, поджав тонкие губы и сощурив тёмные глаза. — Но другие чародеи в городе не объявлялись.

— Только те, о которых ты знаешь, Великая княгиня, — поправил Милош. — В Златоборске теперь много чужаков: беженцы из Рдзении и со всей Ратиславии, скренорские воины.

Фиофано нахмурила брови и снова отвернулась.

— Ты сможешь спасти мою дочь?

— Постараюсь сделать всё возможное. Вели служанкам распалить огонь поярче в печи.

Милош разглядывал мертвенно-бледное, как похоронный саван, тело княжны Мирославы. Огня будет недостаточно. Самого Милоша на это дело недостаточно.

— И пусть девушки никуда не уходят. Они мне тоже понадобятся.

Чернавки вздрогнули, схватились за руки, ища защиты друг у друга, и одновременно попятились.

— Не бойтесь, девушки, — улыбнулся Милош обаятельно, как умел, но впервые в жизни это не сработало. — Я вас не обижу.

ГЛАВА 5

Ратиславия, Златоборск Месяц лютый

Ачим поставил перед Милошем пиво.

— Я не просил.

— Это угощение, платить не нужно.

Хозяин бесцеремонно уселся за стол. Милошу едва удалось скрыть разочарование. Меньше всего ему хотелось с кем-либо общаться.

— Ты доброе дело сегодня сделал, господин чародей, а доброе дело должно быть вознаграждено.

Милош с сомнением посмотрел на пивную пену, чуть не перелившуюся через край. Ему-то казалось, что сегодня он заслужил куда больше, чем кружку пива. Впрочем, так же считала княгиня: тяжёлый кошель приятно оттягивал пояс, но тратить заработанное было жалко.

Милош отпил и слизнул пену с верхней губы.

— Что, сало закончилось?

— А? — растерялся хозяин и весь как-то суксился.

— Дурная затея — пить без закуски, — скупающе и немного надменно пояснил Милош.

Ачим выглядел перед ним провинившимся ребёнком. Он, видимо, боролся с жадностью, подумывал, как выкрутиться, но то ли совесть, то ли закон гостеприимства взяли над ним верх.

— Лада, подай дорогому гостю сала, — крикнул он в сторону.

Хозяйка повернула голову, улыбнулась Милошу, поймав на себе его взгляд.

Милош пригубил хмельной напиток и почувствовал, как сжался пустой желудок.

— Найдётся у тебя что мясное? — поборов себя, он решил, что награда позволяла и покутить разок. Конечно, при себе у Милоша было немало драгоценностей, но тратить их раньше времени он не желал, да и хватать богатством в пути небезопасно.

Ачим отвёл в сторону глаза, призадумался.

— Поищу, господин чародей. Уж для тебя поищу. Сейчас туго с этим. То, что есть с осени, бережём, покуда война на пороге, но для тебя не жалко.

— С чего так?

— Так доброе дело, доброе, — приговаривая так, Ачим встал и поторопился на кухню.

Милош призадумался, не стоило ли заказать себе на пошив новое платье, когда место хозяина за столом заняла его жена. В руках у неё была миска с нарезанным тонкими ломтиками салом, дольками чеснока, ржаным хлебом и парой пирогов.

— Спасибо тебе, красавица, — подмигнул женщине Милош и тут же разломил пирог, он оказался с яйцом и луком.

Лада присела, сложила руки на столе и покачала головой, расплываясь в довольной улыбке.

— Ох, соколик, — вздохнула она.

— Что? — спросил с набитым ртом Милош и не сдержал довольного стона. — Какие у тебя, хозяйка, пироги! Сто лет таких не пробовал.

Уж какая была Горица мастерица на кухне, но пироги ей такие не давались, впрочем, как и сало.

— Руки у тебя золотые. Была бы у вас с Ачимом дочь, так я бы женился. Особенно если бы она удалась красавицей в мать, — опрометчиво пообещал он.

Улыбка стёрлась с румяного лица хозяйки.

— Была у нас дочь, — кусая губы, проговорила она.

Кусок застрял у Милоша в горле. Он прикрыл рукой рот и откашлялся.

— Я не знал.

— Откуда тебе? Ты человек в городе новый, это остальным известно, как мы её по осени искали, все деревни в округе обошли, — Лада отвела взгляд, краски стёрлись с её лица, даже будто серебро показалось в волосах. — Не могу сказать, что Жегота моя была красавицей, но умницей так точно. Рыжая, вся в отца. Ачим, пока не поседел, точно огонёк был.

— Что с ней случилось?

— Если бы я только знала. Пропала моя Жегота без вести, даже похоронить её по-божески не могу. А она мне везде видится, в каждой девушке. Однажды, клянусь, мне показалось, что я увидела её как живую вместе с княжичем Вячеславом. Но... куда моей Жеготе до княжича?

— Может, ещё найдётся, — без особой надежды сказал Милош. — Девушки порой сбегают из дома с хлопцами.

— Дай бог, — осенила себя священным знаменем женщина. — Так что уж, соколик, — она отёрла руки о передник, поднимаясь из-за стола, — помоги княгине Фиофано, спаси её дочку. Нет хуже горя, чем терять родных детей. Она в последние полгода уже похоронила мужа и сына, жалко её.

— Княжне уже лучше, теперь она выздоровеет, — заверил Милош.

Уголок губ Лады дёрнулся.

— Вот и хорошо. — Она собралась уходить, но задержалась, спросила: — Не позвала тебя княгиня Фиофано на службу?

Милош пожал плечами. Он и сам надеялся получить приглашение, но Фиофано обещала позвать его ещё только раз, чтобы проверить здоровье княжны Мирославы.

— А должна? — спросил он и откусил от второго пирожка, тот был с капустой.

— Её сын Ярополк Снежный взял же к себе лесную ведьму. Я подумала, что и мать будет рада держать рядом с собой чародея. Да хотя бы назло новой Великой княгине.

— А что с ней?

— Говорят, Ярополк не только на службу взял лесную ведьму, но и в полюбовницы, — Лада шмыгнула носом. — Она девка молодая, сильная, княгиня Гутрун её, верно, всей душой ненавидит.

— Ты что несёшь, дура? — точно из-под пола рядом вырос Ачим.

— Мать свою — ведьму дури, а меня не смей, — хмыкнула Лада.

— Думай, с кем говоришь, — напомнил жене мужик.

— С дураком ратиславским.

— Видать, и вправду дурак, раз на тебе, рдзенке, женился.

Хозяйка фыркнула, забрала пустую кружку из рук Милоша и ушла на кухню.

Ачим проводил её хмурым взглядом и обратился к чародею:

— Свинины, тушённой с капустой да с морковью не желаешь?

— Отчего же, очень даже желаю, — сказал Милош, а самому уже стало жалко денег. Неизвестно, когда ему снова удастся заработать, а что награда от Фиофано, что честная добыча от Часлава могли пригодиться в будущем для чего-то другого, большего. Так не стоило ли пока обойтись простой кашей?

Но Ачим уже ушёл, и Милош остался один. Он угрюмо уставился на потёртую столешницу, пересчитывая мысленно свои сбережения и отгоняя проклятые, навязчивые, точно мухи в летнюю жару, мысли о Даре.

Значит, она была в Лисецке, служила князю и, быть может, не только её чародейский дар впечатлил Ярополка.

Великий князь был богат и знатен.

«И наверняка страшен, как водяной», — с отвращением подумал Милош, вспоминая тёмное одутловатое лицо его матери Фиофано.

— Совсем изголодался, что ли?

— А?! — Голос Ачима вырвал из забытья. Милош вскинул голову, растерянно разглядывая хозяина.

— Да смотри, господин чародей, уже и пальцы себе кусаешь. Скоро принесу твой ужин, подожди ещё немного, — попросил хозяин и пошёл относить миску с пшённой кашей другому гостю.

Милош сжал тонкие пальцы.

В животе урчало, а на душе было вовсе погано. Милош едва дождался ужина, быстро поел и задолго до того, как погасили огни на постоялом дворе, ушёл спать.

Княжна Мирослава забрала немало сил, пусть Милош и черпал их из двух чернавок. Но, хочешь не хочешь, а всё равно потянешь из себя жизнь, плетя заклятия — такова

неизменная плата. Главный источник всегда всё равно — чародей.

Постель снова оказалась холодной, а простыни влажными. Милош повалился без сил, закрыл глаза и пообещал себе, что вот-вот встанет и позовет хозяина, потребует истопить в комнате и сменить бельё, но не смог даже поднять головы.

Он спал урывками, то и дело просыпался, точно выпрыгивал из-под набегающей волны, чувствовал, как дрожал от холода, но не мог совладать со сном и проваливался снова в забытье.

Так длилось бесконечно долго, пока из тишины безлунной ночи его не вырвал далёкий стон.

Оборвалась жизнь. Ещё одна. Бесплотный дух растаял в темноте, живой огонь рассыпался на сотни искр.

Милош подскочил на кровати, как ужаленный.

Неслышимый для обычного человека вой разнёсся над городом. Не было сомнений, откуда он доносился.

Пару мгновений были потеряны, пока Милош размышлял, одеваться и бежать самому или вылететь соколом прямо из окна, чтобы подоспеть быстрее. Но много ли от него толку в птичьем обличье?

Он чуть не упал на тёмной лестнице, ударился о стол мизинцем на ноге и едва не потерял сапоги.

— Кто здесь?! — завопил Ачим. Мужик выскочил в одной рубашке да портах с топором в руках.

— Заткнись, — прошипел Милош сквозь боль. — Это я, пустошь тебя поглоти. Ку-у-урва, на кой здесь столько столов?

— Так это, люди тут жрут, — ошарашенно проговорил Ачим. — А ты куда собрался?

— Княжну вашу спасти, — натягивая рукав кафтана, проговорил Милош.

Он снял засов и распахнул дверь. В лицо ударил снег. Милош выбежал из-под навеса и увяз в выросших за пару лучин сугробах. Улицу замело, ветер и снег заслоняли видимость.

— Курва, курва, — повторял в отчаянии Милош и упрямо бежал вперёд, собирая снег подолом кафтана. Одежда

тянула и задерживала его, и когда он уже приблизился к городским воротам, то скинул бестолковый ратиславский наряд.

— Кто идёт? — рявкнул стражник.

Милош ругнулся, вспомнив, что забыл отвести случайным прохожим глаза.

Отточенное мастерство превозмогало слабость. Пальцы сами сплели нить, золото вспыхнуло ярче.

— Куда он пропал?! — воскликнул стражник.

— Ёж, ты видел, ты видел? Он только что тут был.

— Чародей...

Милош пробежал мимо стражников. Колдовство сработало, но в глазах чародея потемнело, и дыхание сбилось.

Быстро он, однако, привык к той силе, что подарило фарададьское чудо, куда тяжелее оказалось привыкать заново к врождённым способностям. Будь у Милоша сила Дары, со своими знаниями и умениями он мог бы свернуть горы. Но он родился обычным чародеем, и силу приходилось постоянно черпать из окружения.

Пар вырывался изо рта. Снег и ветер толкали назад, к воротам, но Милош бежал по безлюдной улице, месил ногами снег, пару раз падал, поскользнувшись на льду.

В стороне мелькнули духи, сверкнули огненными глазами.

Высокие терема чёрными безликими тенями проносились мимо, княжеский двор становился всё ближе. Показалась покатая белая от снега крыша.

Кто-то большой и лохматый сидел наверху терема. Длинные лапы опустились на землю, и чудовищное мохнатое тело, точно огромная гусеница, поползло следом, протянулось от крыши дворца до его крыльца.

Милош остановился напротив. Нигде не видно было стражников.

Существо тоже замерло, выжидая.

Это был домовый, которого он видел прошлой ночью. Дух стал ещё больше. Отчего он снаружи, не внутри? Что прогнало его?

У правого плеча прошмыгнула тень.

- *Мы обещали защищать*, — шепнула она.
- *В уплату за гостеприимство*, — раздалось в стороне.
- *За жаркие костры длинной ночью...*
- *Защищать...*

Милош огляделся вокруг. Двор наводнили духи: незнакомые, чуждые. В темноте пламенем сияли их глаза, кольхались тени одеяний, и лишь редкие из них явились во плоти.

— *Оно нас пьёт*, — домовой медленно поднял руку и показал на вход во дворец. — *Опустошает.*

— *Забирает огонь.*

— *Забирает ж-жизнь*, — подхватили голоса.

Милош вглядывался в чёрные силуэты, вслушивался в шёпот.

Тело напряглось, готовое к удару. Всё естество его кричало об опасности. Пусть навьи духи не спешили нападать, одно их присутствие заставляло мурашки бежать по коже.

— *Спас-с-си*, — горячее дыхание опалило затылок.

Милош сделал шаг к крыльцу.

Снег пошёл сильнее, скрывая всё вокруг, пряча от глаз бездыханные тела стражников. Наконец Милош нашёл их: они лежали за крыльцом.

— Как с этим бороться? — спросил чародей, не оборачиваясь.

— *Железом. Огонь оно пьёт.*

Домовой зацепился длинной рукой за навес над крыльцом, подтянул своё тяжёлое тело и вскарабкался обратно на крышу, зашуршал, скрываясь в печной трубе.

Остальные духи с опаской сторонились дворца. В могильной тишине они смотрели ему вслед.

Милош открыл дверь.

В темноте нелегко оказалось найти дорогу к покоям княжны. Милош поднялся по лестнице и остановился, пытаясь вспомнить, в какой стороне жила Мирослава.

Он прищурился, надеясь заметить всполохи золота.

Мохнатая лапа коснулась ладони. Чародей едва не закричал. Внизу, у самых ног, сверкнули яркие глаза домового. Он стал ростом с малого ребёнка и теперь едва доходил Милошу до колена.

— Веди, — он с трудом сдержал порыв отвращения.

Дух потянул направо, повёл мимо закрытых дверей. Порой половицы скрипели под ногами, но не слышно было ни голосов, ни храпа, ни одного постороннего звука. Весь дворец будто застыл.

Свободной рукой Милош повторял знаки заклятий, вспоминал уроки Стжежимира и размышлял, получится ли потянуть силу из домового, если понадобится.

Дверь в покои княжны оказалась приоткрыта.

Домовой нырнул в темноту и пропал.

Милош ступал как можно тише, опасаясь хоть звуком выдать себя раньше времени. Ещё не глазами, но сердцем он почуял, что пришёл слишком поздно. Тот теплящийся слабый огонёк, что горел в Мирославе, потух. Было темно и холодно.

Только редкие всполохи золотых искр разлетались в стороны от чёрного бездонного колодца.

Наконец Милош узнал, где видел прежде эту пустоту.

У двери беспробудно спала девка-чернавка.

Над постелью княжны склонился человек, мужчина. Во мраке не разглядеть было его лица, но и без того перед глазами возникли его смуглая кожа и гордый лик.

— Гармахис, — вспомнил имя Милош.

Южанин вскинул голову.

Медленно, осторожно, точно боясь спугнуть дикого зверя, Милош подошёл к столу, щёлкнул пальцами, выбивая искру. Загорелась свеча, и получилось наконец разглядеть лицо Гармахиса. Он стоял, сгорбившись, опираясь руками на столбики кровати. Взгляд его был мутный, одурманенный.

Рядом на постели лежала золотая маска, уродливая, как древнее божество. Милош прищурился и с удивлением заметил, что она сияла. Яркая нить тянулась от неё к южанину.

— О, хозяин курильни, — Гармахис тоже узнал Милоша. — Не думал, что снова встретимся.

Он говорил мягко, растягивал звуки, почти пел незнакомую песню из тёплых южных песков. Перед Гармахи-

сом лежала мёртвая девушка, напротив стоял его враг, а он пьяно и счастливо улыбался.

— Вот, значит, кто её, — он замолчал, кажется, позабыв слово, — вернул. Так у меня получилось опустошить её дважды. Спаси-ибо.

— Почему именно её?

— Из-за крови земли, — как нечто само собой разумеющееся сказал южанин. — В этих землях её по-прежнему много: в духах, в людях. Но такой, как у неё, мало даже здесь.

— Как у неё? — Милош спрятал руки за спину, прищурился.

Если быть осторожным и ловким, то получится потянуть силу из самого Гармахиса, поразить его же оружием. Беспokoйным бурлящим морем новая колдовская сила плескалась в южанине. Пока Гармахис не привык к ней, нетрудно будет забрать её обратно.

— Чистой. У тебя такая была, — южанин склонил голову набок. — Я помню, как она сияла. У принца не было даже капли, а ты горе-ел.

Он растягивал слова, будто рассказывал сказку.

— А у княжны, значит, яркая?

— Была, — Гармахис глупо засмеялся, содрогаясь всем телом.

Полученная сила одурманила его.

Милош едва сдерживал ярость, глядя на весёлое смуглое лицо. Всё напрасно, все усилия ни к чему не привели. Княжна была мертва. На этот раз Гармахис был жаден, ненасытен, опустошил её досуха. На лице Мирославы застыл ужас, рот скривился от беззвучного крика. Смерть её была мучительной.

— Значит, ты поэтому сошёлся с Карлом? Надеялся его тоже опустошить? — Милош тянул из Гармахиса слово за словом, выторговывал каждое мгновение. Сила рвалась из него, бурлила, не успев привыкнуть к чужому телу. Столько в одной княжне быть не могло, и тогда стало ясно, о чём говорили духи, почему они рассыпались огненной пылью. Гармахис как-то научился забирать их жизни, убивать иначе, чем делали это Охотники.

— Ка-а-арл... древний род. Из самой земли, почти как и мой. Но выдохся. Ослабел. Эта девушка другая-ая... В её роду кровь ещё свежая. Любопытно, каковы братья...

Гармахис наслаждался обретенным даром, любовался убитой княжной, как дорогим подарком. Смуглые пальцы в тяжёлых золотых перстнях ласково погладили раскрытые бледные девичьи губы.

Милош сдержал злость, сосредоточился на разрывах, на неровностях в силе, где легче всего было вырвать нить. Гармахис напитывал силой маску, так, может, стоило попробовать именно там?

Когда Гармахис напал во время пожара, то не мог колдовать. Его дар спал, как спал он и в княжне. Южанин не был чародеем, один Создатель ведал, зачем ему сдалась колдовская сила.

Но с клинком он не менее опасен.

— Бабкой княжны была лесная ведьма, — сказал Милош. — Она, видимо, освежила кровь рода.

— Лесная ведьма? — с любопытством повторил Гармахис.

— Не советую с ней связываться, — процедил чародей и резко дёрнул нить на себя.

Ошалевший от его силы южанин не сразу понял, что случилось.

Милош не медлил со следующим ударом. Заклятие отбросило Гармахиса в стену. Свеча вспыхнула ярко, огонь взметнулся к самому потолку, лизнул дерево. Силы в руки хлынуло так много, что не сразу удалось с ней совладать.

Гармахис рухнул на пол. Руки его безвольно упали по бокам, как у тряпичной куклы.

Из пламени сплелась сеть, Милош растянул её и кинул на противника, тот вдруг откатился в сторону и прямо по полу, точно кот, кинулся в ноги. Сверкнул нож.

Милош отпрыгнул. Сеть опала на пол, поймала пустоту.

Клинок вгрызся в дерево совсем рядом с его ногой.

Милош перехватил нить крепче, прыгнул на Гармахиса и обкрутил полыхающую нить, которую тянул из самого Гармахиса, вокруг его шеи, затянул удавку. Другой рукой

он зачерпнул огонь из свечи в ладонь и ударил Гармахиса в лицо.

– На, жри.

Южанин страшно закричал. Нож упал куда-то в сторону. Свеча потухла, но Милошу хватило и света золотой нити, что душила Гармахиса.

Загрохотали тяжёлые сапоги по лестнице.

– Тревога!

– Сюда! – закричал Милош.

Гармахис ударил его головой в живот, подмял под себя и кулаком припечатал к полу. Захрустел сломанный нос, и Милош почувствовал во рту собственную кровь.

– Курва, – просипел, захлёбываясь, он.

Он пытался вырваться, брыкался, но Гармахис был тяжелее и сильнее. Он ударил ещё несколько раз в лицо и вдруг отпустил.

Топот.

– Хватайте его!

В коридоре началась возня. Милош не мог ничего разглядеть в темноте. Он с трудом поднялся, утёр кровь с подбородка и побежал следом за Гармахисом.

Оба стражника уже были убиты.

Шаги южанина доносились с лестницы.

Милош кинулся за ним. Пролёт, ещё один.

Он распахнул дверь и выскочил на крыльцо. Никого. Даже духи спрятались. Как только этот подонок сумел их так запугать?

Позади во дворце нарастала суматоха, будто заклятие разом спало с его обитателей.

Милош разглядывал снег у крыльца в поисках следов.

С неба сыпало, как из мучного мешка. Цепочки следов вели в разные стороны. Эти принадлежали Гармахису? Или другие: больше, размашистее?

Милош прислушался к огню в крови. Справа чернела ледяная пустота. Гармахис.

Лихорадка боя быстро спала, боль и слабость мешали идти. Тонкая рубаха не защищала от снега и мороза, и Ми-

лош быстро замёрз. Кружилась голова. Ублюдок Гармахис хорошенько его приложил.

«Зато его легко теперь будет опознать по обгорелой морде», – удовлетворённо подумал Милош.

Несколько раз он порывался вернуться в тепло княжеского дворца, спрятаться от ненастья под крышей, но упрямо продолжал идти, искать, выглядывать, вынюхивать, как собака, следы огня и чар.

Но Гармахис поглотил даже их. Вокруг чернели ночь, снег и пустота.

– Чародей, это ты? – окликнули издалека.

В Совине никто бы не осмелился так прямо задать подобный вопрос.

Милош утёр кровь, льющуюся из носа, и повернулся. После схватки с Гармахисом даже самое простое заклятие сплести никак не выходило. Это было одновременно смешно и грустно: целитель не мог помочь самому себе.

Небо на востоке уже посветлело, и Милош смог на расстоянии разглядеть незнакомца: на поясе висел меч, на плечах дорогая шуба. Он был из дворца.

– Я, – он наклонился и зачерпнул с земли горсть снега, приложил к носу. – Чего тебе?

Незнакомец, громко топая, подбежал. Из-под шапки в ухе совсем не по-ратиславски сверкнула серьга, да и для местных мужчина оказался на редкость смуглым. Троутосец.

– Великая княгиня тебя ищет.

Милош оглядел его с головы до ног. Для троутосца в Златоборске одна Великая княгиня – Фиофано, будь на его месте скренорец, так повёл бы к жене Ярополка Гутрун.

– Как ты меня узнал? Мы раньше не встречались.

– Предположил. Теперь, когда в городе скренорцы, простой парень бродить ночью по городу не будет.

Чародей изогнул удивлённо правую бровь.

– И зачем княгиня меня ищет?

— А ты не знаешь?

— Знаю, — мрачнее прежнего сказал Милош. — Что, обвинишь меня в смерти княжны?

— Это не мне решать, а княгине. С ней разговаривать будешь. Идём.

Милош с сомнением снова оглядел троутосца. Пусть сил осталось мало, но мастерства хватит, чтобы через боль и муку задурманить разум на время. Он мог бы сбегать. Но не стоило ли сначала услышать, что скажет Фиофано?

— Ну, пошли.

Троутосец не смог скрыть удивления:

— Как легко ты, однако, согласился.

— Думал, вязать меня придётся? Чего тогда тебя одного послали?

— Остальные ото сна никак не отойдут. Твоё колдовство?

— Не-а, — протянул лениво Милош.

Он вздёрнул повыше нос, слизнул кровь с верхней губы и пошёл вперёд троутосца, точно это он его вёл, а не наоборот.

Гармахис не был чародеем, но мог наслать морок и убить навших духов. Не просто убить, но высушить их, забрать всю силу. Он стал могущественнее прежнего, но всё так же рассчитывал в первую очередь на оружие, а не на чары. Так кто же он такой?

Милош шагал быстро, держал спину прямо, но когда за ним закрылась тяжёлая входная дверь во дворец, то пошатнулся и чуть не упал.

— Эй, ты чего? — троутосец схватил его за локоть, пытаясь поддержать.

— Не трогай, — вырвался Милош, взмахнул раздражённо руками. — Без тебя... обойдусь.

Он недолго постоял, глубоко дыша. Минувшая ночь опустошила его, лишила сил и чувств. Но он чародей, а не какой-нибудь кмет. Он не должен показывать свою слабость.

— Идём, — буркнул он троутосцу.

Внизу у входа было тихо, но чем ближе подходили они к покоям молодой княжны, тем громче становился протяжный вой.

Женщины пели с безудержным горем. В ушах зазвенело от их голосов. У входа в спальню и в самой опочивальне собралось столько людей, что яблоку было негде упасть.

Никто не обратил внимания на Милоша, не до него было. Завывали девки и бабы, на разные голоса, наперебой восхваляли убитую княжну, её молодость и красоту, ум и доброту — всё, что принято было вспоминать в таких случаях. Среди плачущих баб растерянно топтались гридни, и сами, видимо, не знали, чем теперь могли помочь. Чародей и его сопровождающий встали на пороге, протиснуться дальше казалось невозможным.

Ставни на окнах по-прежнему были закрыты, но по всей ложнице горели свечи, и каждый, кто приходил к покоям, приносил новую свечу — как свет Создателя для души Мирославы, чтобы та не потерялась в холодной пустоши и согрелась от огня, чтобы увидела во мраке путь в царство единственного бога.

— Скажите Великой княгине, что я привёл чародея! — выкрикнул троутосец, но голос его потонул в гомоне страдающей толпы.

Милош прислонился к дверному косяку, боясь упасть.

Перед глазами мельтешили зарёванные, изуродованные горем лица.

Немыслимо было представить, чтобы так пошло и лживо вели себя при рдзенском королевском дворе, а знатные женщины и их служанки смели рыдать в голос, как простые кметки.

Всё это зрелище до глубины души было Милошу противно.

— Тише, — прошептал он и взмахнул рукой.

Погасли разом все свечи.

Поднялся дикий визг.

И одна-единственная свеча зажглась возле чародея.

Люди с воплем кинулись в стороны, смели всех, кто стоял позади, вжались друг в друга. Милош посмотрел